

Кафедра истории и правового регулирования
отечественных средств массовой информации

ХРЕСТОМАТИЯ

к курсу
«История российской журналистики (1917–2000-е гг.)». Тема I

**ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ
1917 г.: СТАТЬИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ**

ББК 76
УДК 94 (47)

И90 Публицистика России в марте–октябре 1917 г.: статьи из политических газет / Составители О. Д. Минаева, А. М. Сарычева. Хрестоматия к курсу «История российской журналистики (1917–2000-е гг.)». Тема 1. – М.: Ф–т журн. МГУ, 2018. – 106 с.

Хрестоматия предназначена для студентов факультетов и отделений журналистики, изучающих курс «История российской журналистики» (1917–2000-е гг.).

В данном томе собраны публикации марта–октября 1917 г. В этот сложный период (между Февральской и Октябрьской революциями) печать России избавилась от цензурного контроля государства, журналисты смогли свободно высказывать свои мысли и оценки.

Статьи из русских политических газет различных направлений и партий дают представление о содержании и остроте полемики в печати. Тексты, собранные в хрестоматии, позволяют более углубленно изучить приемы полемики, язык и стиль, особенности дооктябрьской русской публицистики.

@Факультет журналистики МГУ, 2018

Содержание

<i>Минаева О. Д.</i> Особенности публицистики в политической борьбе в России в 1917 г	6
<i>Сарычева А. М.</i> Публикации газеты «Правда» о Временном правительстве в марте–октябре 1917 г	9

ПУБЛИКАЦИИ ИЗ РУССКИХ ГАЗЕТ

Заявление А. Ф. Керенского в Совете рабочих депутатов. 3 марта	17
Национальное правительство. 3 марта	19
<i>Осоргин М. А.</i> Скорее. 4 марта	20
<i>Короленко В. Г.</i> Отечество в опасности. 14 (27) марта	22
<i>Жилкин И.</i> Большевики. 30 марта (12 апреля)	25
<i>Тэффи Н.</i> Великое и смешное. 1 (14) апреля	26
<i>Сибирский А.</i> Съезд партии «народной свободы». 1 (14) апреля	29
Приезд г. Ленина. 5 (18) апреля	31
<i>Ленин Н.</i> О задачах пролетариата в данной революции. 7 (20) апреля	33
Свобода печати. 7 (20) апреля	38
<i>Каменев Ю.</i> Наши разногласия. 8 (21) апреля	39
<i>Яблоновский А.</i> Пенкоснимательство. 8 (21) апреля	41
<i>Жилкин И.</i> Печатное слово. 14 (27) апреля	44

<i>Эйхенбаум Б.</i> Думайте о России. 21 апреля (4 мая).....	46
<i>Могилянский М.</i> Измена свободе. 27 апреля (10 мая)	48
Совет рабочих и солдатских депутатов против травли. 1(14) мая	50
<i>Ленин Н.</i> Нота Временного Правительства 4 (17) мая.....	52
<i>Зиновьев Г.</i> Что считают истинным патриотизмом капиталисты – «оборонцы» 12 (25) мая	55
Петроград 19 мая (1 июня)	59
<i>Кизеветтер А.</i> Мода на социализм 25 июня (8 июля).....	61
<i>Ленин В. И.</i> Расхлябанная революция 25 июня (8 июля).....	64
<i>Плеханов Г. В.</i> Как же быть? 5 (18) июля	67
<i>Рысс П.</i> Через головы 25 июня (8 июля)	69
<i>Кизеветтер А.</i> Итоги московских выборов 28 июня (11 июля) .	72
<i>Ленин Н.</i> Классовый сдвиг 10 (23) июля	74
<i>Синегуб Е.</i> Контрреволюция 14 (27) июля	77
<i>Еремеев М. К.</i> Долой смертную казнь! 24 июля (6 августа).....	80
<i>Сталин К.</i> Чего хотят капиталисты? 6 (19) августа	82
<i>Арзубьев П.</i> Символ 25 августа (7 сентября)	85
<i>Троцкий Л.</i> Итоги и перспективы. Ч. II Элементы бонапартизма 28 августа (11 сентября).....	87
<i>Милютин В. М.</i> Директория 11 (24) сентября.....	92
<i>Ленин В. И.</i> Как обеспечить успех Учредительного собрания (о свободе печати) 28 сентября (10 октября)	94

<i>Зиновьев Г.</i> Без рабочих? 2 (15) октября.....	99
<i>Сталин И.</i> Правительство буржуазной диктатуры. 10 (23) октября	102
<i>Арзубьев П.</i> Накануне 18 октября (1 ноября)	104

Особенности публицистики в политической борьбе в России в 1917 г.

В данном сборнике представлены публикации, в которых отразилась ожесточенная дискуссия, развернувшаяся в русских политических газетах в марте–октябре 1917 г.

Февральская революция произошла стихийно, неожиданно, ни одна партия или группа не стояла за событиями февраля 1917 г. Поэтому сразу после нее между политическими партиями России началась активная борьба за власть, за выбор пути развития страны. Политики готовились к первым в стране всеобщим выборам в Учредительное собрание, которое и должно было определить политический строй и экономический уклад. На прессу в этот период влияли как политические, так и экономические факторы.

После Февральской революции повестка дня в печати России радикально изменилась, ее аудитория быстро политизировалась. Усиливавшаяся инфляция подрывала экономику периодических изданий. На рынке газет и журналов появилась печать социалистических партий, которые не имели (или почти не имели) раньше легальной прессы. В свою печать они принесли традиции подпольной печати, крайне нетерпимой к иному мнению и говорящей на своем, мало понятном обычному читателю языке.

Кроме ожесточенного спора прессы социалистической и либеральной, нужно отметить и крайнюю степень накала полемики внутри социалистической прессы. Например, это особенно ярко проявляется в оценках, которые дает В. И. Ленин взглядам меньшевиков и эсеров.

Основными вопросами, которые интересовали как население страны, так и русскую прессу, в этот период, были:

- вопрос войне (как и когда ее закончить);
- вопрос о земле, которую требовали крестьяне, и о «справедливой» оплате труда рабочим;
- вопрос о власти, который в ситуации безвластия и продолжающейся войны, становился наиболее важным.

Именно по этим трем вопросам – о мире, о земле, о власти – и развернулась дискуссия в прессе, в которой участвовали как

авторитетные общественно–политические издания с уже сложившейся аудиторией, так и недавно созданные газеты и журналы вышедших из подполья социалистических партий. Однако эти темы дополняли «революционную» повестку дня, связанную с текущими политическими событиями (митингами, отставками и назначениями во Временном правительстве и т.д.).

Публицистика 1917 г. не отвечает на *все* вопросы, которые волновали население такой огромной, многонациональной страны как Россия. В первую очередь требования этого населения были экономическими: «справедливая» оплата труда рабочих, земля для крестьян и т.д. О чем пишут публицисты? О войне, о выборах, о демократии и т.д. Очевидно, что они игнорируют реальные интересы народа или не знают о них.

Кроме того, в марте 1917 г. российская пресса впервые обрела так давно желанную свободу слова: освободилась от давления государственной цензурной машины. И что же? Печать являет собой поле политических битв, в которых журналисты различных убеждений и взглядов предлагают читателям свои иллюзорные представления об окружающем их мире. Много эмоций, много слов, очень длинные по современным меркам статьи. И много идеализма и истеричности. Но мало ответственности, здравого смысла и понимания последствий такого поведения прессы. В столь короткий период – март–октябрь 1917 г. – в русской печати не успели сложиться этические нормы, да и в условиях политической борьбы это вряд ли было возможно.

В данном сборнике представлены публикации самых разных авторов: деятелей различных партий (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. А. Кизеветтер и др.), так и журналистов крупных непартийных газет (И. Жилкин, П. Рысс и др.), а также таких широко известных публицистов–писателей, как В. Г. Короленко, Н. Тэффи и М. Горький. Представляется, что такой выбор хоть в какой–то степени отразит то разнообразие мнений, которое получило русское общество в этот период. А также продемонстрирует уровень политических споров русской интеллигенции, которая и с одной стороны (либералы), и с другой (социалисты) демонстрировала примерно одинаковый набор качеств: крайнюю нетерпимость к чужому мнению, нежелание вникать в нужды и чаяния народа, увлечение громкой фразой и т.д.

Публикации приведены в хронологическом порядке, что тоже дает возможность оценить, как менялись настроения и взгляды авторов на протяжении этого сложного периода. А также оценить реакцию прессы на события, которые происходили в 1917 г.

Цель данного сборника, по мнению его составителей, – показать многообразие содержания русской политической печати. Мы даем возможность студентам оценить убедительность аргументов оппонентов, а также ознакомиться с приемами политической полемики.

Публикации газеты «Правда» о Временном правительстве в марте–октябре 1917 г.

В результате начавшихся 23 февраля (8 марта) антиправительственных выступлений произошло свержение монархии, и власть в стране перешла к созданному по соглашению между Временным комитетом Государственной думы и исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 2 (15) марта Временному правительству. Возглавил этот новый исполнительно–распорядительный и законодательный орган государственной власти князь Г. Е. Львов. Кроме него, в правительство входили 10 министров: министр иностранных дел кадет П. Н. Милюков, министр юстиции эсер А. Ф. Керенский, министр путей сообщения кадет Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности А. И. Коновалов, министр просвещения кадет А. А. Мануйлов, военный и морской министр октябрист А. И. Гучков, министр земледелия кадет А. И. Шингарёв, министр финансов М. И. Терещенко, обер–прокурор Святейшего Синода центрист В. Н. Львов и государственный контролёр октябрист И. В. Годнев.

Очевидно, социалисты были в меньшинстве в новом правительстве, а основными силами выступали члены партии кадетов (Конституционно–демократической партии или Партии народной свободы, лидером которой был П. Н. Милюков). В связи с этим отношение В. И. Ленина к Временному правительству было отрицательным изначально. В марте 1917 г., еще находясь в Цюрихе в эмиграции, через два дня после получения вестей о революции в России, он сделал заявление, что новое правительство «состоит из либеральных буржуа и помещиков»¹, из «заведомых сторонников и защитников империалистской войны», что оно «не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы»², и поэтому «мы не можем идти ни

¹ Ленин В. И. набросок тезисов 4 (17) марта 1917 г. // Полное собрание сочинений. – 5–е изд. Т. 31. – С. 1.

² Ленин В. И. набросок тезисов 4 (17) марта 1917 г. // Полное собрание сочинений. – 5–е изд. Т. 31. – С. 2.

в какие ни блоки, ни союзы, ни даже соглашения»³ с представителями иных политических партий, то есть еще будучи за границей, Ленин заявил о неприятии новой российской власти и поставил РСДРП (б) в полную оппозицию правительству.

В первом же номере газеты «Правда», которая вновь начала выходить 5 марта 1917 г., обозначена позиция В. И. Ленина: критике подверглись политические убеждения представителей Временного правительства по многим вопросам, и в первую очередь по вопросу о продолжении участия России в Первой мировой войне. В «Правде» сразу же начинается полемика с представителями кадетской партии, олицетворяющими новую власть, и формируется негативный образ Временного правительства: «народ проливал свою кровь в революционной борьбе [...] не для того, чтобы буржуазия посылала на убой народные массы»⁴. Так, первый номер газеты определил вектор развития большевистской печатью темы отношения к власти и задал направление всем последующим материалам издания.

Позиция В. И. Ленина была исключительно радикальна и основана на идее непримиримого противостояния с представителями иных политических сил. С точки зрения большевиков, представители всех прочих политических партий одинаково являются носителями «буржуазной» идеологии, чуждой рабочему классу, а Временное правительство действует исключительно в интересах капиталистов. Несмотря на то, что эсеры и меньшевики стояли на социалистической платформе, а в программе кадетской партии значилось введение восьмичасового рабочего дня, в большевистской прессе все они были одинаково не способны понять и удовлетворить нужды народа.

Отношения между большевиками и другими партиями ухудшались постепенно. Если в мартовских номерах основные журналистские силы уходили на описание ужасов «многолетнего ига царского самодержавия»⁵, а для комментариев в адрес противостоящих политических сил отводилось незначительное место ближе к концу газеты, то уже в апреле, после возвраще-

³ Ленин В. И. набросок тезисов 4 (17) марта 1917 г. // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. Т. 31. – С. 6.

⁴ Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Наказ избранным в Московский Совет Рабочих Депутатов // Правда. 1917. № 1. – С. 8.

⁵ Старый порядок пал // Правда. 1917. № 1. – С. 2.

ния из эмиграции В. И. Ленина, все изменилось. 7 (20) апреля в газете были опубликованы знаменитые «Апрельские тезисы» В. И. Ленина⁶, где было четко обозначено, что Временному правительству должно быть отказано в доверии, и наиболее важной задачей газеты «Правда», как центрального печатного органа партии, должно стать содействие претворению ленинской программы в жизнь, то есть передачи власти Советам, экспроприации частной собственности, национализации земли и средств производства, ликвидации системы частных банковских услуг, отмены права обладания земельной собственностью и пр.

Таким образом, уже через месяц после Февральской революции на страницах «Правды» оформилась позиция жесткого противостояния между большевиками и властью Временного правительства. Большевицкая печать демонстрировала полное расхождение во взглядах и непримиримость позиций большевиков по отношению к действиям Временного правительства. Настаивая на необходимости прекращения войны без аннексий и контрибуций, что также было одним из программных пунктов «Апрельских тезисов», «Правда» обрушила шквал критики на голову министра иностранных дел П. Н. Милюкова за его слова о том, что в России существует «всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы». В. И. Ленин в мае заявил: «ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия» к Временному правительству»⁷. Накануне июньского кризиса критика действующей власти становится настолько резкой, что перерастает в прямые обвинения: «Временное Правительство есть правительство насквозь империалистическое, связанное по рукам и ногам англо-французским и русским капиталом; все его обещания [...] ничего, кроме обмана, содержать не могут»⁸.

Спустя некоторое время, на фоне непрекращающейся полемики вокруг вопроса о войне, возникло широкое идейно-политическое движение, впоследствии названное «революционным оборончеством», суть которого заключалась в том, чтобы

⁶ См. Правда. 1917. № 26. – С. 2.

⁷ Ленин Н. Нота Временного Правительства // Правда 1917. №37. – С. 4

⁸ Резолюция Ц. К. РС.-Д.Р.П. о кризисе в связи с нотой Вр. Прав-ва от 19 апр. 1917 г. // Правда. 1917. №37. – С. 1–2.

защищать добытую в феврале 1917 свободу, а для этого – всемерно поддерживать Временное правительство и продолжать войну. «Правда» полемизировала со сторонниками этой идеи, называя ее вдохновителей (умеренно правого М. В. Родзянко, меньшевика И. Г. Церетели и др.) «господами буржуа», которые «не забывают интересов своего класса»⁹.

В большевистской печати революционное оборончество объявляется предательством социализма: оно «является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистической войне не заинтересованы»¹⁰. Стоящим на таких позициях членам социалистических партий большевики отказывали в праве считаться социалистами, обвиняли их в отказе от интересов трудящихся в угоду политическому моменту.

Говоря об образах политических противников большевиков в газете «Правда», нельзя не упомянуть еще об одной мишени журналистов – о так называемых «соглашателях». Речь идет о членах социалистических партий эсеров и меньшевиков, которых В. И. Ленин обвинял в том, что они соглашались с политикой Временного правительства по социально-экономическим вопросам, а также по вопросу об окончании войны и созыве Учредительного собрания. Ленин в статье резко критиковал вступление социалистов в коалиционное правительство (имеются в виду меньшевики И. Г. Церетели и М. И. Скобелев, а также лидер партии эсеров В. М. Чернов). Он подчеркивал, что, принимая участие в работе Временного правительства, они предали идеи революции и «из бывших социалистов стали на деле, сами того не замечая, бывшими демократами»¹¹. Так, Ленин объявил меньшевиков и эсеров «бывшими» социалистами. «Соглашательство с капиталистами, означающее на деле обман рабочих игрой в переговоры с их классовыми врагами»¹², передает, по мнению Ленина, всю предательскую сущность эсеров и меньшевиков, скомпрометировавших свои политиче-

⁹ Зиновьев Г. Что считают истинным патриотизмом капиталисты «оборонцы» // Правда. 1917. № 44. – С. 2–4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Ленин Н. Великий отход // Правда 1917. № 76. – С. 1–2

¹² Ленин Н. О вреде фраз // Правда. 1917. № 69. – С. 1.

ские партии, показавших всю их несостоятельность, несерьезность и нетвердость их социалистических позиций.

Продолжая полемику с политикой «соглашения» рабочих с капиталистами, с политикой «контакта» и «коалиции», Ленин писал: «сущность политики этих партий состоит в соглашательстве с контр-революционной буржуазией. [...] Эта мелкобуржуазная демократия хочет раздела власти с буржуазией, а не свержения ее, – совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелкобуржуазной демократии (с.–р. и м–ки) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься во круг «обожаемого» монарха»¹³. То есть, по мысли Ленина, для того, чтобы считаться революционером и социалистом, необходимо занимать максимально непримиримые позиции по ряду ключевых вопросов по отношению к Временному правительству. Все же, кто идет на компромисс и выбирает путь мирной эволюции – беспринципные политиканы, готовые согласиться с чем угодно ради выгоды.

Социальные противоречия нарастали с каждым днем в течение лета 1917 г., о чем свидетельствует ряд событий, получивший в истории название «Июньский кризис»: выселение 7 (20) июня анархистов с дачи Дурново¹⁴ в Петрограде, последующая забастовка рабочих, а также прошедшая 18 июня (1 июля) полумиллионная демонстрация под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров–капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!» и пр. После того, как Временное правительство проигнорировало эти события, стало ясно, что без столкновений уже не обойтись: демонстрация 3 (16) июля, изначально заявленная как мирная, переросла в вооруженное столкновение митингующих с военными частями, лояльными правительству. В Петрограде было введено военное положение, а лидеров и членов партии большевиков начали открыто преследовать. В свете этих событий газета «Правда» была закрыта

¹³ Ленин Н. Классовый сдвиг // Правда 1917. № 92. – С. 1

¹⁴ Усадьба на одной из петроградских набережных, ставшая в 1917 году штабом анархистов. После того, как они захватили типографию газеты «Русская воля» власти приняли решение лишить анархистов права занимать здание и принудительно выселили их.

и в следующий раз под своим настоящим именем появилась лишь после октябрьской революции. Все три месяца до этого она выходила под другими названиями – «Листок «Правды», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий» и «Рабочий путь». В условиях полуполигальной работы газета продолжала критиковать Временное правительство и оппозиционные большевикам партии.

После распада 2-го коалиционного Временного правительства и произошедшего в конце августа 1917 года выступления Л. Г. Корнилова¹⁵, в России был учрежден временный чрезвычайный орган верховной власти – коллегия пяти министров Временного правительства (А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, А. И. Верховский, Д. Н. Вердеревский и А. М. Никитин), получившая название Директории или «Совета пяти». Главная газета большевиков, в то время выходившая под названием «Рабочий путь», отреагировала на эти изменения в типичной для нее форме: на страницах издания преваляровала резкая критика «соглашателей» эсеров и меньшевиков, а также обвинение членов Временного правительства в отстаивании исключительно интересов буржуазного класса и в отрыве от народа. И. В. Сталин писал: «отсутствие официальных представителей кадетов в правительстве лишь прикрывает полную его зависимость от кадетов»¹⁶, то есть новому составу правительства было так же отказано в доверии, как и предыдущему, несмотря на то, что в его составе в этот раз было заметно больше социалистов.

Стремясь создать максимально негативный образ Временного правительства, журналисты–большевики апеллировали к тому, что эта власть могла бы существовать даже в условиях монархического государственного строя: «Русская буржуазия – даже самая либеральная – вполне могла бы примириться не только с корниловской республикой, но и с конституционной монархией. Не только примириться – ее интересы, при прочих равных условиях, были бы даже лучше обеспеченными именно при конституционной монархии»¹⁷.

¹⁵ Попытка установления военной диктатуры, предпринятая на фоне падения авторитета Временного правительства Верховным главнокомандующим Русской Армией генералом от инфантерии Лавром Георгиевичем Корниловым. Закончилась неудачно: выступление было подавлено, а Корнилов и его ближайшие сторонники арестованы.

¹⁶ Сталин И. Кризис и Директория // Рабочий путь. 1917. № 1. – С. 1–2

¹⁷ Зиновьев Г. Без рабочих? // Рабочий путь. 1917. № 14. – С. 4–5

В публикациях газеты продолжает подчеркиваться буржуазный и антинародный характер власти: «После поражения июльских демонстрантов укрепился, пользуясь поддержкой мелкобуржуазных демократов, режим империалистической диктатуры, который Корнилов слишком рано захотел довести до логического конца – до генеральской кадетской диктатуры»¹⁸. Журналисты «Рабочего пути» в своих статьях называют действующую власть «вождями оборончества»¹⁹, «правительством буржуазной диктатуры»²⁰, пишут о том, что между властью и народом лежит «непроходимая пропасть»²¹. «Рабочий путь» напрямую называет действующую власть «монархией Керенского»²², замечая схожесть между влиянием политических процессов на имидж власти тогда и сейчас: «разоблачения о деле Корнилова наносят такой же вред монархии Керенского, как разоблачения о деле Распутина нанесли монархии Романова»²³.

Начиная с 10 октября «Рабочий путь» ежедневно публикует призыв к проведению Всероссийского Съезда Советов. В связи с этим, одной из главных задач большевистской газеты в октябре становится полемика с оппозиционными изданиями – газетами меньшевиков «Дело народа» и «Рабочая газета». Журналисты «Рабочего пути» обвиняют своих коллег из меньшевистских изданий в том, что они начали «систематическую кампанию» против «назначенного на 20-ое октября съезда Советов» и на их страницах «доказывается, что съезд политически бесполезен и даже вреден»²⁴. Следует отметить, что критика взглядов печатных органов партий эсеров и меньшевиков велась в главной большевистской газете и раньше, но именно в октябре достигла максимального накала.

7 ноября 1917 года в «Рабочем пути» было опубликовано Воззвание Военно-революционного комитета к населению

¹⁸ Г. Сокольников. «Ответственная» и «безответственная» политика // Рабочий путь. 1917. № 22. – С. 3.

¹⁹ Г. Сокольников. Кадеты пришли // Рабочий путь. 1917. № 20. – С. 1–2.

²⁰ И. Сталин. Правительство буржуазной диктатуры // Рабочий путь. 1917. № 21. – С. 1–2.

²¹ И. Сталин. Ждать вам – не дожидаться... // Рабочий путь. 1917. № 23. – С. 1–2.

²² Г. Зиновьев. Кошмар // Рабочий путь. 1917. № 31. – С. 4.

²³ Там же.

²⁴ О Съезде Советов // Рабочий путь. 1917. № 27. – С. 2.

Петрограда, которое начиналось словами «Контрреволюция подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский Съезд Советов и сорвать Учредительное собрание»²⁵. В этом документе содержалось предупреждение о вероятности «контрреволюционных и погромных» столкновений на улицах города, а также заявление о том, что все, кто попытается сорвать съезд Советов, «будут стерты с лица земли». Партийное руководство, понимая, что большевики не завоюют большинство голосов на честных выборах, «замаскировали» установление власти РСДРП (б) под захват власти внепартийными Советами. 25–27 октября (7–9 ноября) съезд состоялся, на нем были проведены выборы (большинство голосов были отданы большевикам и левым эсерам), а также был избран высший орган Советской власти – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и сформировано правительство – Совет народных комиссаров.

Таким образом, можно сказать, что образ власти, создаваемый в газете «Правда», на протяжении восьми месяцев 1917 г. (с марта по ноябрь) оставался статичным. Российская власть позиционировалась исключительно как власть вражеская, буржуазная, антинародная, контрреволюционная и пренебрегающая идеями революции в угоду интересам капитала. Газета занималась «разъяснением той истины, что бессознательно доверчивое отношение к правительству капиталистов»²⁶ идет вразрез с «истинными» идеями революции и задача народа заключается в обеспечении всесторонней поддержки партии большевиков, так как «дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во–первых, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во–вторых, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран»²⁷.

²⁵ Воззвание Военно–революционного комитета // Рабочий путь. 1917. № 45. – С. 1.

²⁶ Резолюция о войне, принятая Всероссийской конференцией // Правда. 1917. № 44. – С. 1–2.

²⁷ Ленин В. И. набросок тезисов 4 (17) марта 1917 г. // Полное собрание сочинений. – 5–е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 31. – С. 5.

ПУБЛИКАЦИИ ИЗ РУССКИХ ГАЗЕТ

*Известия революционной недели. 1917. № 7 от 3 марта*²⁸

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Ф. КЕРЕНСКОГО В СОВЕТЕ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

– Товарищи! Доверяете ли вы мне? (везде возгласы на всех скамьях: «доверяем»). Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно (в зале общее волнение, А. Ф. Керенского приветствуют продолжительными рукоплесканиями, превращающимися в длительную овацию).

Товарищи, в виду организации нового правительства, я должен был немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкции, дать ответ на сделанное мне предложение занять пост министра юстиции (бурные аплодисменты, общий энтузиазм). Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук (бурные аплодисменты и возгласы «правильно»). Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав нового временного правительства, в качестве министра юстиции (общие аплодисменты и крики «браво»).

Первым моим шагом было распоряжение немедленно освободить всех политических заключенных, без всяких исключений, с особым почетом препроводить из Сибири, сюда наших товарищей депутатов социал–демократической фракции (громовые аплодисменты, общий энтузиазм). В виду того, что я взял на себя обязанность министра юстиции, раньше, чем я получил на это от вас формальные полномочия, я слагаю с себя обязанности товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но я готов вновь принять от вас это звание, если вы признаете это нужным (бурные аплодисменты и общие возгласы: просим, просим). Товарищи, войдя в состав нового правительства, я остался тем же, чем я был – я остался республиканцем (шумные аплодисменты); я заявил Временному правительству, что я являюсь представителем демократии и временное правительство должно смотреть на меня, как на выразителя требований

²⁸ Дата по старому стилю, по новому стилю это будет 16 марта.

демократии и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать, в качестве представителя демократии, усилиями которой была свергнута старая власть. Товарищи, время не ждет, дорога каждая минута, и я призываю вас к организации, к дисциплине, к оказанию поддержки нам – вашим представителям, готовым умереть для народа и отдавшим всю свою жизнь народу».

Слова А. Ф. Керенского, произнесенные с огромным подъемом, были покрыты бурными аплодисментами. Трудно передать энтузиазм, охвативший зал заседания. Единственные голоса пытавшихся протестовать против того, что А. Ф. Керенский действовал без формального согласия Совета рабочих депутатов, были заглушены единодушными возгласами подавляющего большинства Совета рабочих депутатов, устроивших А. Ф. Керенскому бурную овацию, какой еще не видали, кажется, стены Таврического Дворца.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Из Петрограда пришла эта радостная весть, которая как красный звон, как умиротворяющий благовест, должна облететь все веси и грады великой нашей страны и отозваться в сердцах, воспламененных борьбой за внутреннее освобождение России, как призывное «Ныне отпускаеши»²⁹...

И вот теперь великая государственная и национальная задача разрешена: народ создал и санкционировал через своих представителей новую власть, которая единомысленна с ним и неотделима от него, ибо она создана им самим, его стихией. Новый кабинет поэтому по своему составу кабинет коалиционный, в который вошли представители разнообразных политических течений и партийных элементов.

Имена князя Г. Е. Львова, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, А. И. Коновалова, А. Ф. Керенского³⁰ и др., хорошо известные русскому обществу, придают кабинету внепартийный характер.

Но иначе и быть не могло. Теперь не время для партийной борьбы и разделений. Стране нужно национальное правительство, ибо...отечество в опасности! И хотя входящие в кабинет лица принадлежат к разным партиям и партийным фракциям, но эти их качества в данном случае не играют роли. Они вошли туда как облеченные доверием народа граждане, на которых страна возложила ныне великую ответственность за ее грядущие судьбы...

В роковую минуту мировой войны великая страна оказалась не только без прочной государственной власти, но и во власти врагов народа. Перед нею стал великий вопрос создания настоящего правительства обороны. Вопрос этот ныне разрешен.

Главная цель – победоносное окончание войны. Без подписи.

²⁹ Слова из Евангелия от Луки, еще одно значение: свершилось что-то долго ожидаемое.

³⁰ Члены первого созыва Временного правительства: Г. Е. Львов –председатель, близок к кадетам, А. И. Гучков – лидер партии октябристов, военный министр, П. Н. Милюков – лидер кадетов, министр иностранных дел, А. И. Коновалов- фабрикант, лидер партии прогрессистов, министр торговли, А. Ф. Керенский – адвокат, эсер, министр юстиции.

СКОРЕЕ

Перо дрожит в моей руке...

В день сумбурного счастья, еще старым языком, лишенным молодой смелости, измятым годами тревожной оглядки, привыкшим к условным между строчным оборотам (простите за него!) я могу писать только о тех, находящихся в тюрьмах, в ссылках, в бегах, за границей, большинство которых еще не знают, не уверены, что они стали гражданами.

Государственный переворот уже дал им *право* возврата, пусть теперь им будет дана *возможность* возврата, даны средства к этому, дана почетная, достойная их обстановка возврата, ликвидация дел, денежные средства, бесплатный проезд, помощь здесь.

В ссылке депутаты Думы, в ссылке Ек. Брешковская³², «бабушка революции»; в ссылке и за границей – тысячи лучших и смелейших людей России, умевших не только верить, но и жизнь отдавать за свою веру. Им нельзя сказать только: можете вернуться беспрепятственно. Им нужно сказать: вернитесь скорее и сядьте в правый угол нашей просветлевшей горницы долгожданными гостями!

И тем, заграничным верующим и изуверившимся, скорее обеспечьте возврат: бежавшим от суда и бесправия, из ссылок, с каторги, от преследования и от национального бесправия – политическим эмигрантам, евреям, полякам, украинцам, армянам – почетный возврат на родину, которая отныне принадлежит всем нам, гражданам России. Пусть их места, – если захотят, – займут те, кому не сладок новый режим.

Голова идет кругом от мыслей... Мы стоим перед величайшим, неведомым, перед лицом великого счастья и величайшего страха. Ибо неизмеримо велика наша ответственность за будущее. Нужно много думать, нужно много делать... Другие счастливее. Они уже могут и думать и делать. Я не могу! Участник прошлой революции, еще вчера – сам эмигрант, я все

³¹ М. А. Осоргин – писатель и журналист.

³² Е. К. Брешко–Брешковская – одна из лидеров и создателей партии эсеров.

годы мечтал о дне, когда можно будет свободно, без стеснения цензуры, без описательных выражений, свои первые строчки в свободном режиме посвятить самым близким и любимым людям, товарищам по прежним этапам борьбы.

И вот сбылась мечта. Слова не нижутся на нить мыслей, слова отстали от чувств, слова стары, поношены, а новых и нужных не могу сейчас найти, да и кто из писавших легко вчера не чувствует этой трудности писать сегодня...

Но хотя бы этим, мечущимся от радости и наивным языком, я все же тороплюсь, сказав, исполнить свою заветную мечту. Скорее свободы, возврата, почета и помощи участникам всех прежних рабочих движений.

ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ³⁴

Телеграммы военного министра и временного правительства бьют тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы. К чему? К торжеству свободы, к ликованию, к скорейшему устройству будущего? Нет! К сражениям, к битвам, к пролитию своей и чужой крови. Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не от одних военных, чья профессия — кровавое дело войны на защиту родины, но и от нас, писателей, чей голос звучит естественнее в призывах к любви и миру, к общественному братству и солидарности, кто всегда будил благородную мечту о том времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Эта далёкая заветная мечта жива и теперь, но она еще более отдалилась, затянулась дымными и кровавыми туманами, и нам, писателям, соединившим в своей душе любовь к человечеству с любовью к родине, приходится подхватить тревожный клич тех, кого судьба поставила на страже родины в труднейшую годину ее жизни.

Тревога звучит, ширится, облетает страну. Я желал бы, чтобы голос печати звучал, как труба на горе, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду до самых дальних углов, заронить в наименее чуткие сердца, самые беспечные души.

Тревога, тревога... Смотрите в одну сторону. Делайте в эти дни одно дело, им довлеющее. С запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть своей тенью родную землю, над которой только что засияло солнце свободы.

³³ В марте 1917 г. Россия перешла на Григорианский календарь, который на 13 дней отличался от старого.

³⁴ Статья, переданная Короленко по телеграфу без какого-либо названия Временному комитету Государственной думы, была опубликована во многих столичных и местных газетах под заголовком «Родина в опасности» или «Отечество в опасности», а также выпущена отдельным листком—воззванием издательством «Освобождение России» под заголовком «Телеграмма В. Г. Короленко».

До сих пор я не написал еще ни одного слова с таким призывом, но не потому, что я и прежде не считал обязательной защиту родины. Правда, я считаю безумную свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейский мир и грозящую перекинуться в другие части света, великим преступлением, от ответственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступит время мирных переговоров, то, по моему глубокому убеждению, эта истина должна лечь в основу их для того, чтобы этот ужас не повторился. Нужно быть на страже великого сокровища – мира, которое не сумели сберечь для нас правительства королей и дипломатов, когда это несчастье готово было разразиться.

Я говорю это искренно и с сознанием всего значения слова, я не пожалел бы отдать остаток жизни тем, кто мог бы с каким-нибудь вероятием успеха противопоставить этому безумию деятельную идею человеческого братства. Она давно зародилась в благороднейших умах и пускала уже ростки в человечестве. Да, за это дело стоило бы отдать жизнь, если бы была малейшая надежда удержать море вражды и крови.

Но ростки международного братства еще бессильны, как игрушечные плотники перед порывом моря, и ничего удержать не могли. Это – не упрек идее международного братства. Слабая вначале идея часто со временем завоевывает мир. Но теперь, пока она слаба в действительности, она может служить опорой благородной мечты, утешением, но не средством защиты. Это – дальний огонь, но не указание ближайших путей ввиду страшной опасности. А речь идет именно о том, что надвигается, что уже близко, что закрывает нам свет, требует немедленного ответа. Оно может на столетие наложить тяжкий гнет на жизнь поколений.

Вот почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предмете, мне несвойственном в обычные дни, чтобы передать моим согражданам свою тревогу. Россия только что свершила великое дело – свергла вековое иго. Одним деспотизмом стало меньше, одной свободой больше на свете. Еще недавно союз с нами враги ставили в упрек нашим союзникам и свою борьбу выставляли как борьбу с восточной деспотией. Теперь все народы обращаются к нашей родине с восхищением и надеждой, потому что юная свобода в момент рождения имеет

волшебную силу омолаживать свободу других народов, придавать ей новую свежесть и жизнь.

Вот что значит для нас защита родины. Нужная всегда, теперь она вдвое нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью. Если бы теперь немецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также мрачное знамя реставрации, знамя восстановления деспотического строя. Нами стал бы повелевать не только Николай Романов, но через него и Вильгельм Гогенцоллерн. А Гогенцоллерну нужно, чтобы Россия надолго оставалась подавленной и темной.

Неужели это не ясно?

Для отражения этой опасности Россия должна стать у своего порога с удвоенной, с удесятеренной энергией. Перед этой грозой забудем распри. Отложим споры о будущем. Долой партийное местничество! Долой призыв к раздорам! Пусть историческая роковая минута застанет Россию готовой. Пусть все смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый топот германца и грохот его орудий. Задача ближайших дней – отразить нашествие, оградить родину и ее свободу.

Два русских соседа в траншее зорко смотрят на наступающего противника: один – республиканец, другой – конституционалист. Чем они должны чувствовать себя в эту роковую минуту? Соратники политические в настоящем, противники – в будущем, сейчас они делают одно дело: защищают свободу родины от внешнего и внутреннего порабощения. Оставим же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно внимание, – внимание в этот великий решительный час. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца, а заслужить можно одним, – последним усилием для отражения противника, работая на фронте и в тылу, на всяком месте для отражения опасности, до конца великой войны.

Может быть, это время уже близко; близок день, когда на великое совещание мира явятся в семью европейских народов делегаты России и скажут: мы вошли в войну рабами, но к концу ее приходим свободными. Выслушайте же голос свободной России. Она скажет теперь не то слово, которое бы сказали царские дипломаты. У свободной России есть, что сказать на великом совещании народов, которое должно положить основы прочного мира.

БОЛЬШЕВИКИ

Настроение населения теперь нетрудно узнать. Оно горячим воздухом льется по митингам, собраниям, лекциям, комитетам, клубам, всяким сборищам

И тут сказалась вековая истина: крайности порождают крайности. Великое зло, которое причиняют большевики своему же делу, сказывается в той буре негодования, которая сгущается во всех слоях населения против советов рабочих депутатов, против тактики всего пролетариата. Население уже с трудом различает, где большевики, где меньшевики, где острота эгоизма рабочих требований, а где святая справедливость этих требований.

Громче всех кричащие большевики кажутся главными, почти единственными выразителями настроения пролетариата. И вокруг рабочего класса очерчивается узкий круг, за которым сгущается отпор десятков миллионов разнородного населения России.

Наше время сейчас острому и боевому классовому эгоизму. Опасности, почти катастрофы карают Россию извне и внутри. Война, разрушенная экономика, расхлябанные пути сообщения, беспорядок и недостаток в жизненных припасах...

Все это требует дружных, организованных и всенародных усилий...

Вот почему обрушивается всеобщее негодование на крайности большевизма. В них государственная опасность.

Сейчас нет безответственной оппозиции. Теперь каждый ответственен за всякое слово, за всякое действие, за газетную статью, за митинговую или кулуарную речь. Все переходит в дело...

На тысячах собраний кипит сейчас по всей России, как во всеобщем котле, наш государственный инстинкт...

ВЕЛИКОЕ И СМЕШНОЕ

І. Громила

Утро.

Толпы горожан, солдат и рабочих с усталыми, но счастливыми лицами бродят по улицам, останавливаются отдельными группами, рассказывают друг другу про минувшую ночь, приветствуют криками мчащиеся мимо автомобили, щетинистые от торчащих из них в разные стороны штыков:

– Ура–а–а!

Около разгромленного магазина Блиткина и Робинсона стоит свободный, освободившийся... от сословных и прочих самодержавных предрассудков гражданин.

Гражданин очень молод и мал ростом – мал настолько, что нос его приходится как раз на том расстоянии от земли, где у прочих граждан находятся еще только колени.

Нос этот красный и мокрый; очевидно, заботы о нем лежали до сих пор на совести старших отпрысков семьи.

Вид у гражданина гордый. На пуговицу драной шубенки наверчен лоскут лияной кумачевой рубахи, – знак того, что гражданин восстал за свои права и хочет соединиться с пролетариями всех прочих стран.

Мимо, шурша неспешными ногами по ворохам рваной бумаги и раздавленных картонных коробок, идут солдаты.

– Ишь, пузырь! – говорит один про гражданина.

– Магазин–то как разгромили, – охает другой, заглянув через осколки толстого стекла на пустые полки и прилавки.

И гражданин вдруг поднимает еще выше розовую пуговицу своего носа и говорит зловещим басом:

– Да уж погромили, так погромили! Походит теперь Блиткин без станов-то! Вот его соколад-то где!

– И он с мрачной удалью вытаскивает из кармана обмусленную и обгрызанную шоколадку.

– Вот он где его, соколад-то! Попил нашей кровушки, да и будя!

II. Женщина не понимает

Самовар давно простыл, а чаю выпито всего один стакан да одна чашка. Потому что время не такое, чтобы спокойно чай распивать. Время такое, что даже чиновник Федюркин волнуется и рассуждает о политике. Он недоволен словом «пролетариат». Жена молчит и чувствует себя во всем виноватой.

Про–ле–та–риат, – говорит Федюркин. – Нехорошее слово. Трудное. Каждый оратор непременно перед этим словом приостановится. А если не остановиться, так непременно либо эль, либо эр не туда тыкнешь.

– Может быть, тебе налить еще? – робко спрашивает жена.

Но Федюркин не слышит. Он весь ушел в политику; глаза у него испуганные и несчастные, и нос вспотел.

А в департаменте Лизнин привязался: «Какая у вас, Федюркин, платформа?» Ну, и дурак. Подлец и дурак. Я ему прямо и отрезал: «Ровно никакая». А он рожу скроил: «Вы, – говорит, – очевидно, не доросли до политического самосознания». Каков гад? Я смолчал. Но скажи мне хоть ты, Саня, человек посторонний, к чему это? К чему такие слова? Каждый знает, что платформа – это на станции, и поезда подходят. Так зачем же произносить подобные слова в оскорбительном смысле? За что?

Жена вместо ответа вздохнула и опустила глаза.

Ревунов – порядочный человек, но тоже зазнался, – продолжал Федюркин. – Тоже лезет в политики. «Вы, спрашивает, – к какой партии принадлежите?». – «Я, – говорю, – принадлежу к такой, которая требует, чтоб служба в министерстве была от двенадцати до трех, чтобы женщинам никаких прав не давать и чтоб царские дни праздновали по–прежнему». А он говорит, что такой и партии вовсе нету. «Позвольте, – говорю, – а моя? Моя партия?». – «Да это, – говорит, – не партия, а ваше личное мнение. «– «Па–азвольте! Почему же я не партия? Сколько же нам человек нужно, чтобы была партия? Два тоже не партия? И три не партия? Так когда же она у вас начинается, с тридцати, что ли? Количеством хотите брать, а не качеством. А я, может, один, да зато вполне приличный!».

Он помолчал и вдруг иронически улыбнулся.

– А еще социалисты начались! Чтобы все, значит, равны и одинаковы были. Па–азвольте! Да я не хочу, чтобы равны. Не хочу, – и баста. Положим, у меня теперь положение не очень пышное, любой заводской рабочий больше моего получает. Я вон и прислуги держать не могу. Так что ж такого, что не могу? Зато есть на свете, слава Богу, такие люди, которые не только прислуги не держать, а еще сами в прислугах служат. Служат, да мне, Федюркину, завидуют. А как зацарствуют эти социалисты, так на меня ни одна собака плюнуть не захочет. Все равны будут, и завидовать некому. А я этого не могу. Мне это обидно. И общее образование мне тоже обидно, потому что не могу я допустить, чтобы неграмотный мужик был одного со мной образования. Я гордый. Я лучше застрелюсь... Да ты, кажется, не слушаешь?

Жена подняла на него глаза, испуганные и виноватые.

Он горько усмехнулся и встал.

– И Я тоже хорош! Нашел перед кем говорить! Разве женщина это понимает?

III. Страшно

– Вы где, Феня, были?

– На митинге, барыня. Очень страшно было. Один патлатый кричал на нас, кричал, чтоб, значит, никто не смел «ты» говорить. Очень страшно. Так уж я тебе, барыня, при гостях-то уж буду стараться «вы» говорить, а то еще тебе достанется. Уж до того-то страшно, что и не произнести!

– Ну, и на чем же вы там порешили?

– А восьмичасовой день порешили. Чтоб работать, значит, от восьми и до восьми. Другие–то не хотели. Народищу–то много набралось, прислуги–то, несколько тысяч, человек четырехста, не меньше. Так другие кричали, дуры-то, чтоб от девяти и до девяти. Ну, а мы настояли на своем. Как, значит, все, так и мы, чтоб от восьми и до восьми, – как говориться, восьмичасовой.

СЪЕЗД ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ

Теперь, когда народная свобода стала не отвлеченным лозунгом, а реальной действительностью, когда великая российская революция водрузила над страной знамя действительной, а не призрачной только народной свободы, – весьма знаменательными являются постановления, принятые на состоявшемся на днях съезде кадетской партии, и речи, которые там произносились.

В этих постановлениях и речах по целому ряду самых жгучих вопросов современного момента как в зеркале отразилась вся сущность кадетского либерализма, вся его половинчатость: полное несоответствие партии, именующей себя «партией народной свободы», с действительными интересами и нуждами народа!

Во всех речах красной нитью проходит контрреволюционный и противонародный характер кадетской программы и тактики.

<...> По вопросу о рабочем законодательстве Родичев заявил на съезде, что «с изданием этих законов сейчас надо подождать, что этому должна предшествовать выработка взаимных соглашений рабочих и работодателей».

Улита едет, когда-то будет! <...>

А с чем собираются обратиться кадеты к крестьянам по вопросу о земле?

В этом вопросе на съезде кадетской партии царила полная растерянность.

Левые кадеты пытались было предложить радикальный пересмотр аграрной программы, расширив ее вплоть до национализации земли («передача всей земли в руки государства»).

Но другие, более «трезвые» кадетские политики предостерегали от увлечения идеей национализации.

Кадеты не решились на сей раз выставить свою аграрную программу с пресловутым «выкупом земли по справедливой оценке» – слишком это резало бы глаза своим полным несоответствием требованиям момента.

И центральный комитет кадетской партии заявил, что «не имеет никаких конкретных предложений по существу аграрного вопроса» и откладывает разработку его до следующего съезда.

Впрочем, один из участников съезда откровенно признал, что «в аграрном вопросе положение кадетов безнадежно».

Не менее характерным для нашей либеральной буржуазии является заявление, сделанное двумя видными представителями кадетской партии, об отношении ее к другим партиям.

Князь Трубецкой заявил, что в настоящее время возможно «единение всей страны, за исключением большевиков».

А Родичев пошел еще дальше, сказав, что «всякий, кто будет вместе с нами бороться с внутренней неурядицей, является нашим союзником и если такие люди найдутся среди правых, то мы готовы и их считать своими союзниками».

Вот уже поистине «и башмаков еще не износили», в которых проводили на тот свет самодержавный режим, как уже протягивают руку правым для союза против революционного народа.

Чего же боятся господа либералы, что их пугает?

Призрак социальной революции не дает им покоя, и для предотвращения ее Родичев предлагает съезду обратиться к владеющим классам и сказать им: «поступитесь немногим, чтобы не потерять всего» и тут же добавляет, что «за земельной реформой путем революционным мы не пойдем».

Так на другой день после переворота, очутившись у власти лицом к лицу с революционным народом, кадеты показывают свою буржуазную сущность.

И никакая либеральная фразеология не в состоянии затушевать ту пропасть, которая определяет их от революционной демократии.

Речь. 1917. № 78 от 5 (18) апреля

ПРИЕЗД г. ЛЕНИНА

Что вожди наших левых партий, вынужденные так долго томиться на чужбине, спешат на родину, чтобы принять активное участие в великой борьбе, это, конечно, не только естественно, но и чрезвычайно желательно. Такие общепризнанные главы наших социалистических партий, как Плеханов³⁵ и Ленин, должны быть теперь на арене борьбы и их прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться об их взглядах, можно приветствовать.

К глубокому сожалению, обстановка, при которой прибыл³⁶ вождем большевиков, не может не вызвать чувства, в лучшем случае, недоразумения, даже в лагере социалистов.

Г. Ленин требует заключения мира во что бы то ни стало, и, вероятно, в числе задач, которые он себе поставил, видное место занимает именно агитация среди масс в пользу этого стремления. Но и противники г. Ленина всегда предполагали, что проповедь мира продиктована горячим желанием блага России и русскому народу. Стоя и на интернациональной точке зрения, будучи безусловным сторонником мира, ни один гражданин России не считает возможным проявить свое миролюбие в оказывании каких-либо услуг врагу, разоряющему родную страну, или в принятии каких-нибудь услуг от врага. Это элементарное правило политической этики признается всеми социалистами, к каким бы толкам они не принадлежали. И особая щепетильность требуется со стороны тех, кто проповедует заключение мира. <...>

Г. Ленин и товарищи, торопившиеся в Россию, должны были раньше, чем выбрать путь через Германию, спросить себя, почему германское правительство с такой готовностью спешит оказать им эту беспримерную услугу, почему оно сочло возможным провезти по своей территории граждан вражеской страны, направляющихся в эту страну? Ответ, кажется, был ясен. Германское правительство надеется, что скорейшее прибытие г. Ленина и его товарищей будет полезно германским

³⁵ Г. В. Плеханов - видный меньшевик, один из основателей РСДРП.

³⁶ В. И. Ленин и другие революционеры приехали (из эмиграции) из Швейцарии через территорию Германии в опломбированном вагоне.

интересам, оно верит в германофильство вождя большевиков. И одной возможности такого ответа было, по нашему мнению, совершенно достаточно, чтобы ни один ответственный политический деятель, направляющийся в Россию во имя блага народа, не воспользовался этой своеобразной любезностью. Г. Ленин и его товарищи не хотели считаться с этим, и это свидетельствует или о полной отчужденности от родной страны, или о сознательной браваре, которая не совместима с серьезным отношением к войне, в которой потоками льется кровь родного народа.

Мы не знаем, как повлияет знакомство с подлинной русской действительностью на политические планы г. Ленина, о которых он уже поведал миру. Программа г. Ленина проста – захват власти пролетариатом, борьба с Временным правительством, социальная революция, заключение мира без всяких условий – какой успех будет иметь эта освободительная программа в русском народе – об этом можно сделать довольно основательные догадки по успеху, каким сопровождалось выступление г. Ленина на конференции социал–демократов. Но думаем, что еще до этого г. Ленин убедится, что русскому политическому деятелю, каких бы взглядов он ни держался, путь к сердцу и совести народных масс в России не идет через Германию.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ³⁷

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата <...>.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К³⁸ безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии

³⁷ Так называемые Апрельские тезисы.

³⁸ Временное правительство.

в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво–бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к особым условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, перестало быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов–революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. есть единственно возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разъяснение ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, – возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества³⁹.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 десятин до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи: а) немедленный съезд партии; б) перемена программы партии, главное: 1) об империализме и империалистской войне, 2) об отношении к государству и наше требование «государства–коммуны»⁴⁰, 3) исправление отсталой программы–минимум; в) перемена названия партии⁴¹.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал–шовинистов и против «центра»⁴²

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее выражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя

³⁹ Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

⁴⁰ То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

⁴¹ Вместо «социал–демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться Коммунистической партией.

⁴² «Центром» в международном социал–демократическом движении называли тех, кто не мог выбрать между «оборонцами» (сторонниками поддержки своих правительств в войне) и интернационалистами.

гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве»⁴³ г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разьяснять им их ошибку...».

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к широким слоям, ни к массовым представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии...».

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»⁴⁴?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, разьяснение ошибок их тактики...».

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я напал на Временное правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учредительного собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что без Советов рабочих и солдатских депутатов созыв Учредительного собрания не обеспечен, успех его невозможен.

⁴³ «Единство» – газета, возглавляемая Г. В. Плехановым; издавалась в Петрограде в 1914 г, затем с марта 1917. С декабря 1917 по январь 1918 года выходила под названием «Наше Единство». Газета выступала за поддержку временного правительства, за «твердую власть» и критиковала позицию большевиков. Ленин отвечал, что позиция Плеханова «есть пособничество темным силам, грозящим насильем, погромом, бомбой», и называл газету «бранчивым изданием».

⁴⁴ «Русская Воля» – ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Петрограде с декабря 1916 года. После Февральской буржуазно-демократической революции вела кампанию против большевиков. Закрыта 25 октября 1917 года.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг.

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. германскую социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К^о «обижаются»... за кого? – за германских шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал–шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Написано 4 и 5 (17 и 18) апреля 1917.

Печатается по:

Ленин В. И. Полное собрание сочинений.
5–е изд. Т. 31. – С.113–118.

Речь. 1917. № 80 от 7 (20) апреля

СВОБОДА ПЕЧАТИ

Нам сообщают, что на окраинах, а местами и в центре столицы появились новые своеобразные ценители свободы печати. Они признают только те газеты, в которых они находят отражение или, вернее, потакание своим желанием, а все прочие газеты признают буржуазными и подлежащими сожжению или, во всяком случае, изъятию.

Эти господа не останавливаются перед насильственными действиями, обходят газетчиков, отбирают у них так называемые буржуазные газеты, тут же рвут их в клочки или сжигают. Особенно много таких цензоров новейшей формации появилось за Нарвской заставой.

Многие граждане этого района вынуждены отправляться в другие районы, чтобы приобрести ту или иную газету.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

Во вчерашнем № «Правды» т. Ленин опубликовал свои «тезисы». Они представляют личное мнение т. Ленина, и их опубликованием т. Ленин исполнил долг всякого ответственного общественного деятеля: представить на обсуждение революционной демократии России свое понимание происходящих событий. Тов. Ленин, хотя сделал это в очень сжатой форме, но сделал это до конца: начав с характеристики мировой войны, он сделал вывод о необходимости создания новой, коммунистической партии. В своем докладе он поэтому совершенно естественно должен был критиковать не только политику руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов, но и политику «Правды», как она успела сложиться к моменту съезда Советов и выразиться в выступлениях делегатов–большевиков на этом съезде. Эта политика «Правды» была точно сформулирована в оглашенных на том же съезде резолюциях о Временном правительстве и войне, выработанных Бюро Ц. К. и принятых делегатами–большевиками съезда.

Впредь до каких-либо новых решений Ц. К. и постановлений общероссийской конференции партии, эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы и будем отстаивать как от разлагающего влияния «революционного оборончества», так и от критики т. Ленина.

Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую. Тактика, вытекающая из подобной оценки, глубоко расходится с той тактикой, которую защищали представители «Правды» на Всероссийском съезде⁴⁵ как против официальных вождей Совета, так и против тащивших Совет направо меньшевиков.

⁴⁵ Всероссийский съезд советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

В широкой дискуссии мы надеемся отстаивать свою точку зрения, как единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов–коммунистов.

ПЕНКОСНИМАТЕЛЬСТВО

Два карапузика–гимназиста стояли подле школьной карты Черного моря и калякали:

– Странно... Такое большое море, и ни одного острова. Отчего бы это?

– Но очень просто; еще не успели открыть.

Столь незначительный разговор послужил, однако, прологом к большим событиям. Гимназисты раздобылись деньжонками, укатили в Одессу, наняли лодку и целых два дня «открывали острова», пока, наконец, солдаты пограничной стражи не задержали и не препроводили мореплавателей к родным.

Этот эпизод из школьной жизни частенько приходит мне на память, когда я присматриваюсь к широкому половодью русской революции.

Увы, внешние воды нашей революции далеко не смыли еще нашей старой наивности, и люди, «открывающие острова» падаются буквально на каждом шагу.

– Что нужно сделать, чтобы навсегда обеспечить торжество русской свободы?

– Но это очень просто: надо свалить памятник Екатерины Второй в Нахичевани.

– А как ознаменовать, как закрепить в памяти народной победу русской революции?

– А это еще проще: надо свалить памятник Екатерине Второй в Одессе.

Признаюсь, эта пленительная простота обывательской мысли меня особенно подкупает: люди как будто даже не замечают, что занимаются революционным пенкоснимательством.

С самым серьезным видом они накидывают арканы на бронзовую шею Екатерины и поют:

– Эй, дубинушка, ухнем!

Я не говорю уже о том, что вопрос уничтожения старых памятников должны решать художники, и никто, кроме художников, но как, в самом деле, люди не хотят понять, что занятие революционным пенкоснимательством совсем не так почтенно?

Если я не ошибаюсь, в провинции повалили уже несколько памятников и переименовали целую дюжину улиц.

Но я еще не слышал, чтобы где-нибудь стала выходить настоящая народная газета.

А, между тем, деревня, как говорится, прямо «кричит без газеты».

Не далее как на днях я получил письмо от крестьянина-читателя, где говорится: «Богом вас прошу: напишите статью про Учредительное собрание. Ничего понять нельзя».

А из другой деревни знакомые пишут мне, что на сельском сходе крестьяне говорили: «Пушная будет республика, но что бы царь был умный».

Наконец, из третьей деревни известия идут в таком же роде. Крестьяне долго думали над словом «республика» и пришли к следующему неожиданному заключению:

– Республика – это, значит, «через публику», а «через публику» – значит разврат.

Эта ужасная, эта крошечная тьма покинутой на произвол судьбы деревни может привести прямо в отчаяние.

Ведь отсюда, из этой тьмы, придут люди в наше учредительное собрание. Ведь отсюда придут наши будущие законы, по которым придется жить.

Но если так, то как же мы можем, как же мы смеем не поспешить на помощь слепой деревне и не приобщить к революционному творчеству страны эту стомиллионную народную толщу?

А между тем, мы занимаемся памятниками Екатерины: нахичеванцы вон накинули аркан на монумент легкомысленной императрицы и тем «закрепили» победу революции.

Как хотите, а это слишком дешево.

До такой степени дешево, что даже как-то неловко читать об этой нахичеванской победе.

Неловко именно потому, что революция страшно нуждается в настоящей работе, и что единственное спасение наше в организации и труде – напряженном, безмерном, всенародном труде, в труде до кровавого пота!

Самодержавие оставило нам проклятое наследство. Двести лет народ опаивали водкой и выколачивали из него душу.

Но теперь, когда старый дом завалился, надо строить все сначала. Огромные, как горы, стоят перед Россией сотни вопросов, и кружится голова, когда смотришь на вершину этих гор.

Война, земля, Учредительное собрание, республика, страшные государственные долги и полная разруха внутри страны...

Не революционное пенкоснимательство, а дело, настоящее и живое дело, нужно теперь России...

ПЕЧАТНОЕ СЛОВО

Русская пресса – родное дитя русской литературы. А русская литература – удивительное явление для всего мира... Литература – это лицо, которым повернулась Россия к иноземному миру. Второе столетие русская литература неустанно, жертвенно ведет борьбу со злом и уродством жизни, с неправдой и порабощением. <...>

Царизм отбивался в судорожных и ужасных конвульсиях. Он бил и мял русское общество. Он зажимал в железных тисках администрации русский народ. Он заливал кровью страну. Он заполнял узниками тюрьмы и ссыльными Сибирь.

Но печатное слово разило его день за днем, час за часом, неустанно, беспощадно...

Февральский переворот – это последний толчок. От подобных толчков не падают мощные и сильные. Падают изнеможенные, вымотавшиеся в борьбе...

Но кто поднял всю Россию для единой цели?... Однако, несомненно, что впереди и прежде всего шло печатное слово, выросшее за последние годы в России в грозную и неодолимую силу.

Русские газеты – невиданные в мире...

Да, это не преувеличение. В последние 11 лет почти весь бой со старым строем велся газетами. Все молчало. Но не молчала печать. Она росла и крепла. Возрастал и креп ее голос... Конечно, голос русской печати не мог звучать так резко и определенно, как бы ей этого хотелось.

Но все, взглянув на Запад, постигали сравнением, какая гордость и какое счастье для России – наша пресса.

На Западе и в Америке печать дошла до цинизма, до продажности. Там почти открыто печатное слово прислуживает капиталу и власти. Там за деньги чуть ли не в любой газете можно напечатать какую угодно рекламу, или угодническую статью.

Русская пресса, за ничтожными исключениями, была су-рова, строга и неподкупна. <...>

И вот свершилось то, за что ратовала Русская печать. Пали путы. Колыхнул воздух свободы через всю Россию...

Но какой горький и грустный удар для русской печати!

Новая левая печать и многие новые голоса начинают свою деятельность с явной и странной вражды к старой печати, которая недавно еще была единственной воительницей за свободу народа...

И как печально, что общее дело новой и прежней печати начинается с несправедливости, вражды и неблагодарности.
<...>

Можно ли бросать в раскрытое народное сердце неосторожное слово неправды и неблагодарности?

Еще вчера левой рабочей печати в России не существовало. Напряженные годы борьбы за свой народ выносила исключительно на себе либеральная, демократическая печать. И вот ныне с первых же своих шагов левая печать учит доверчивых рабочих, крестьян и солдатскую массу черной неблагодарности, обзывая все либерально-демократические газеты «буржуазными» и даже «погромными»...

В дни горячей всенародной взволнованности нельзя сеять семена вражды, неблагодарности и взаимного недоверия. Нельзя поднимать класс на класс, партию на партию, рабочего на интеллигенцию, нищего на имущего, нельзя и не нужно этого делать, когда ... сила и право отданы во власть народа, и когда открыты все пути к законной перестройке политики, экономики и быта государства.

Освежительный гром грянул, воздух очищен, – зачем же сеять ветер, который грозит претвориться в бурю?

ДУМАЙТЕ О РОССИИ

Кажется – наступил тот момент, когда русским людям надо напомнить о России. Мы положительно забыли о ней. Освободившиеся от гнета, мы потеряли чувство фактов, их последовательности и сравнительного достоинства. Так изголодавшиеся люди без разбора бросаются на пищу и едят сладкое раньше соленого или пополам с ним. Я не знаю, как в остальной России, но Петроград ведет себя именно так.

Шумят о Ленине, шумят о Временном правительстве, выискивая «факты» для обвинения, шумят о буржуазии... Шумят, шумят на каждой площади, на каждом углу. От этого шума в головах создается такой сумбур, что все факты и убеждения путаются, ... образуя какой-то серый клубок мысли, у которого нет ни начала, ни конца...

Россия выше партий, и ее судьба важнее судьбы той или другой программы. Это – трюизм⁴⁶, но, право, он многим сейчас кажется парадоксом или, более того – неправдой. Историческое чутье совершенно заглохло, точно в огне революции сгорели не только участок, но и русская история. Умы настолько смешались, что от Временного правительства требуют государственного строительства, точно оно имеет право самодержавно, до Учредительного собрания, устраивать Россию...

В угоду партийным заповедям искажаются факты, искажается политический смысл, который создал революцию и требует теперь объединения всех сил для создания Учредительного собрания. Социализм – проблема мировая, международная, а Россия требует сейчас политического строительства. Партийная борьба хороша и нормальна в определенных политических условиях. Сейчас в России необходимо объединение вне партийное, потому что только оно может создать такие условия. Социализм мыслится вне политики – он, по существу своему, аполитичен, а Россия нуждается сейчас только в политическом творчестве. От Временного правительства мы не име-

⁴⁶ Банальность, общеизвестная истина.

ем права, как граждане, требовать этого – потому что оно временное, потому что оно не выбрано, а только принято нами. Но от граждан России мы обязаны требовать, чтобы они понимали и исполняли свой долг...

Профессиональные союзы – одно из средств такого объединения. Другое средство – митинги, не против Ленина, не против буржуазии, не против Временного правительства, а единственно и исключительно за Россию. Политических партий у нас вовсе нет – есть партии социальные. Тем легче объединяться нам на определенных политических требованиях и позаботиться об их скорейшем осуществлении.

Все это – азбука, но мы точно разучились читать. А ведь на самом деле мы только что сделали гражданами – мы только два месяца назад получили право взяться за эту азбуку. Многие слова мы разбираем еще по складам. А до некоторых частей России не добрались еще и самые буквы...

Необходим «союз русских граждан», который должен поставить своей целью – политическую организацию России. Необходимо гражданское объединение русских людей для создания Учредительного собрания. Этому сильно мешает война – она породила значительную долю мелких раздоров и отвлекла внимание от главного. Но спорить не о чем, если ставить Россию выше партий. Война – дело международное, и ее надо вести до тех пор, пока этого требует история. Мы бесплодно тратим силы и внимание на решение уравнений со многими неизвестными, а забываем о правилах арифметики. Что бы ни выяснилось относительно войны – мы должны строить новую Россию.

Граждане, думайте о России!

ИЗМЕНА СВОБОДЕ

Со словом надо обращаться честно.

Свободу самых крайних – все равно, правых или левых, – убеждений и слова для их пропаганды надо отстаивать без всяких оговорок, ибо там, где стеснено какое бы то ни было убеждение, там нет истинной свободы. Но свобода слова и пропаганды должна покоиться на терпимости к чужому убеждению, на уважении его, основанном на предположении, что оно так же искренне, как и убеждение наше собственное. Убеждению может быть противопоставлено только убеждение, слову – только слово. Но со словом надо обращаться честно! Убежденный в правоте своих мнений не боится чужих ошибочных мнений, чужих заблуждений: он верит, что восторжествует над ними аргументами.

Кто сходит с этой почвы, тот роет могилу свободе, тот отрицает ее святость... В собраниях 20–21 апреля самой гнетущей чертой был именно разрыв с великими принципами свободы. Люди, поддерживавшие крайние лозунги, очевидно, потеряли веру в силу своих аргументов, если в борьбе со своими противниками прибегли к самой бессовестной демагогической лжи. С идейной почвы они сошли на почву аргументов *ad hominem* и, что отвратительнее всего, именно в этой области не гнушались лгать самым бессовестным образом. В тесной среде в напряженной атмосфере даже чисто идейной борьбы таинственными путями часто просачиваются самые нелепые «сведения» об отдельных лицах. Увы, ничего «таинственного» не было в распространении демагогической лжи 20–21 апреля! Людьми несомненного интеллигентского обличия она бросалась в толпу самым бессовестным образом. Приведу два примера, особенно ярких. 20 апреля вечером, перед толпой, собравшейся у Морского кадетского корпуса, говорил член Совета рабочих депутатов (так он назвал себя, в толпе называли «довольно известное» в последнее время имя, я не повторю его, ибо не знаю, не ошибались ли в толпе).

Вполне интеллигентный (даже по оборотам речи) человек говорил толпе (цитирую по памяти и не ручаюсь за точность выражений, но ручаюсь за смысл сказанного): «Через 2–3 недели мы могли заключить мир с Германией, и этого испугались такие разбогатевшие капиталисты, как Милюков: набивающие свои карманы благодаря войне не хотят допустить ее прекращения...»

21 апреля студенты уверяли уличную толпу, что Шингарев и Милюков самые крупные в России землевладельцы... Молодая дама обратилась к студенту с «советом» – не выступать с подобной ложью в студенческой форме. «А я вам посоветую, – беззубо ответил студент, – читать социалистические газеты»... Перед темной толпой брошенную ей ложь он подкрепил авторитетом социалистических газет! ...

В обоих приведенных случаях (а сколько за эти дни было подобных случаев, менее ярких!) интеллигентные люди не могли не сознавать, что они лгут перед толпой.

Не совершенно ли очевидно, что они изменяли свободе?!

Подобная демагогическая ложь отнюдь не должна ставиться в счет крайним течениям в их целом. Идеологи самых крайних направлений не могут быть заподозрены в искренности и честности своих убеждений. Для этого нет никаких оснований. То же надо сказать и о громадном большинстве их последователей и приверженцев. Но пусть же они недвусмысленно осудят позорное поведение тех, кто под их знаменем изменяет свободе, ибо в интересах свободы подобных выступлений не должно быть!

СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ
ПРОТИВ ТРАВЛИ

Орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «Известия» (№43) печатает следующую статью:

Чего они хотят.

Вот уже сколько дней по всему Петрограду идут слухи, смущающие всех, кто принимал участие в деле русской революции. Какие-то темные личности расхаживают по улицам, рынкам, баням, лавкам, собирают толпы и всюду и везде возбуждают легковверных людей, призывая народ арестовать т. Ленина, бить его, громить редакцию газеты «Правда» и проч. и проч. Нужно ли говорить, что вся эта погромная агитация ведется с определенной, заранее обдуманной преступной целью?

Темные силы прилагали все меры после революции, чтобы возбудить вражду между рабочими и солдатами. Помните, как всюду и везде эти гады старого порядка, прихвостни черной сотни, облепляли пострадавших людей, стоящих в очередях, и говорили и шептали всем и каждому, что вот хлеба нет, будет еще хуже! Рабочие не работают и из-за них нас побьет немец! И что же? Все это оказалось гнусной клеветой и ложью. Как только сами солдаты и рабочие принялись за дело, – сейчас же все выяснилось: и та и другая сторона обследовали все вопросы, вынесли свои постановления и сразу зажали рот уже начавшей было поднимать голову черной сотни⁴⁷. Черная сотня увидела, что сорвалось у них это дело, и сейчас же начала искать нового случая, чтобы вновь и вновь внести раскол в массы. Приехал Ленин, занявший крайнюю позицию во взглядах на нашу революцию. С ним стали не соглашаться, и вот вместо того, чтобы спокойно обсудить вопрос, сейчас же темные силы, черная сотня и продажные газеты стали распространять по Петрограду ложные сведения, черные слухи, умышленно искажая его мысли и взгляды, внося и сея смуту, натравливая всех и каждого на т. Ленина.

Чего они хотят?

⁴⁷ «Черная сотня», черносотенцы – это одна из крайне правых политических организаций в России в 1905-1917 гг., объединяющая монархистов и националистов.

Для чего это им нужно?

Да для того, что они прекрасно знают, что междуусобица – самое выгодное дело для них. Они, эти проклятые люди, спят и видят, ждут и не дождутся того радостного для них дня, когда рабочие и солдаты перессорятся между собой, – тогда наступит их праздник. А отчего, по какой причине начнется ссора – не все ли им равно! Подвернулся Ленин: великолепно! Не было бы Ленина – начали бы с другого какого-либо конца, выдумали бы какой-нибудь другой, новый предлог. Травля т. Ленина – бесчестная и отвратительная – нужна этим темным силам и поддерживается их газетами для того, чтобы как-нибудь начать травлю против социалистов вообще, а потом перейти и против Советов рабочих и солдатских депутатов, а далее, авось, мол, удастся все повернуть по старому. Вот почему, товарищи рабочие и солдаты, надо решительно и смело прекратить эту бесчестную травлю, так же решительно, как мы прекратили травлю рабочих, когда черной сотне так хотелось поссорить рабочих и солдат.

Можно соглашаться или не соглашаться со взглядами т. Ленина, можно самым решительным образом спорить с ним, выставлять свои мнения против его мнений, но разве можно у нас, в свободной стране, допускать мысль, что вместо открытого спора будет применено насилие к человеку, всю жизнь свою отдавшего на служение рабочему классу, на служение всем угнетенным и обездоленным?

Решительно и твердо, везде и всюду прекратим эту недостойную, мерзкую травлю и вновь скажем всем темным силам: как ни старайтесь, с какой стороны ни подходите, но мы не позволим вам вмешаться в наше дело революции, и ни вам и ни кому другому никогда не удастся разделить великую силу нашей революции – рабочих и солдат.

НОТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах.

Большинство Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному правительству, наказаны вдосталь. Они надеялись, ждали и верили, что Временное правительство, под влиянием благодетельного «контакта» с Чхеидзе, Скобелевым и Стекловым, откажется навсегда от аннексий. Вышло немного не так...

В ноте от 18 апреля Временное правительство заявляет о «всенародном (!) стремлении довести мировую войну до решительной победы».

«Само собой разумеется, – прибавляет нота, – Временное правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников».

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...

Кто заключал этот союз с «нашими» союзниками, т. е. с англо-французскими миллиардерами? Царь, Распутин, царская шайка, конечно. Но для Милюкова и Ко договор этот – святыня.

Почему?

Некоторые отвечают: потому, что Милюков неискренний человек, что он хитрец и т. п.

Дело совсем не в этом. Дело в том, что Гучков, Милюков, Терещенко⁴⁸, Коновалов⁴⁹ – представители капиталистов. А капиталистам захваты чужих земель нужны. Они получают новые рынки, новые места вывоза капитала, новые возможности устраивать десятки тысяч своих сынков на прибыльные должности и т. п. Дело в том, что интересы русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому и только поэтому договоры царя с англо-

⁴⁸ Министр Временного правительства. Богатый сахарозаводчик, политик.

⁴⁹ Фабрикант, промышленник и политик.

французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного правительства русских капиталистов.

Новая нота Временного правительства подольет масла в огонь. Она может только разжечь воинственные настроения в Германии. Она помогает Вильгельму⁵⁰ Разбойнику дальше обманывать «своих» рабочих и солдат и тянуть их на войну «до конца».

Новая нота Временного правительства ребром поставила вопрос: что же дальше?

С первого же момента нашей революции английские и французские капиталисты стали уверять, что русская революция сделана только и исключительно для того, чтобы продолжать войну «до конца». Капиталистам нужно ограбить Турцию, Персию, Китай. Если по этому случаю придется уложить еще с десяток миллионов каких-то там русских мужиков – что за беда? Была бы только одержана «решительная победа»... И вот теперь Временное правительство с полной откровенностью стало на тот же путь.

– Воюйте – потому, что мы хотим грабить.

– Умирайте десятками тысяч каждый день – потому что «мы» еще не додрались, потому что мы еще не получили своей доли добычи!..

Ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более политики «доверия» к Временному правительству. Политика доверия обанкротилась.

Наша общегородская социал-демократическая конференция сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность нашей позиции. Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали.

Нынешний Совет рабочих и солдатских депутатов поставлен перед выбором: проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Милюковым, значило бы раз навсегда отказаться от самостоятельной политической роли – завтра Милюков положит «ноги на стол» и сведет Совет к круглому нулю; дать отпор на ноту Милюкова – значит порвать со старой политикой доверия и перейти на путь, предлагаемый «Правдой».

⁵⁰ Вильгельм II – последний германский император, отрекся от престола в ноябре 1918 г.

Можно, конечно, найти и гнилую середину. Но – надолго ли?..

Рабочие, солдаты, скажите теперь во всеуслышание: мы требуем, чтобы у нас была единая власть – Советы рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство, правительство кучки капиталистов, должно очистить место названным Советам.

ЧТО СЧИТАЮТ ИСТИННЫМ ПАТРИОТИЗМОМ КАПИТАЛИСТЫ–«ОБОРОНЦЫ»

На торжественном собрании членов Государственной Думы

всех созывов г-н Родзянко⁵¹ в особо торжественной речи, в которой, по-видимому, обдуманно было каждое слово, сказал:

«В Германии в вопросе о необходимости решительной победы сходятся интересы и капитализма, и рабочего класса, и всех других социальных элементов... Если промышленности Германии был бы нанесен противником решительный удар, то господство германской промышленности было бы этим бесспорно подорвано, и этим самым нарушились бы интересы как рабочего класса, так и капиталистов и буржуазии, в руках которой находится торгово–промышленная жизнь страны. В этих общих интересах всех классов населения и кроется секрет, почему в эту войну германский рабочий класс поддерживает империалистические стремления своего правительства: они поддерживают его на реальных началах, как истинные патриоты, во имя «реальных благ» («Речь» № 98).

Это замечательное суждение г-на Родзянко заслуживает самого пристального внимания.

Г-н Родзянко, один из самых общепризнанных вождей русских капиталистов, на торжественном собрании думцев неожиданно поет хвалу... кому же? германским рабочим!

Чем объясняется это неожиданное происшествие?

Ларчик открывается очень просто.

Каких германских рабочих похвалил г-н Родзянко?

Тех, кто стоит за нашим товарищем Карлом Либкнехтом, тех, кто ни на минуту не изменил знамени социализма, тех, кто борется против Вильгельма II, тех, кто и в Германии борется против грабительской войны? Ничего подобного! Об этих герман-

⁵¹ М. В. Родзянко – видный политик, депутат всех созывов Думы.

ских рабочих г-н Родзянко не сказал ни слова, и из всей его речи ясно, что этих рабочих он считает «изменниками» своему отечеству, такими же «изменниками», какими на его взгляд в России являемся мы, большевики.

Г-н Родзянко похвалил тех – и только тех – германских рабочих, которые стоят за войну, которые поддерживают буржуазию своей страны, которые пошли за немецкими Плехановыми, изменившими социализму. Именно этих рабочих – и только их – г-н Родзянко удостоил званием «истинных патриотов».

В чем же дело? Ведь германские рабочие, которых Родзянко называет «истинными патриотами», поддерживают своего кайзера Вильгельма, которого русские капиталисты объявляют единственным врагом всего человечества. Ведь эти германские рабочие воюют против «нас». Ведь с точки зрения Родзянки эти рабочие злейшие «наши» враги.

А дело в том, что господа буржуа по-своему «интернационалисты». Они не забывают интересов своего класса. И они даже в самый острый момент кровопролитной войны хорошо помнят, что у капиталистов русских и капиталистов германских есть общий интерес. Сердце капиталиста радуется, когда он видит, что рабочие становятся «истинными патриотами» – даже тогда, когда дело идет о рабочих той страны, с которой в данный момент «мы» воюем. Любой капиталист, будь то русский или немецкий Родзянко, рассуждает так:

«Сегодня я воюю с немцем (или с русским), но завтра война кончится, и встанет опять вопрос – социалистическая революция или продолжение наемного рабства; война кончится, а «рабочий вопрос» не кончится; война кончится, а борьба рабочих против капиталистов не кончится. И тут-то мы, капиталисты всех стран, заинтересованы в одном: чтобы рабочие в каждой стране были «истинными патриотами», т. е. чтобы они всюду покорно несли иго капитала, всюду слушали «своих» капиталистов, воевали бы, когда им прикажут, покорно тянули бы лямку наемных рабов на капиталистической каторге – в шахтах, на фабриках и заводах».

Вильгельм II и германские капиталисты мне и сейчас друзья, несмотря на то, что «мы» с ними пока еще воюем. А Карл Либкнехт и германские социалисты–интернационалисты мне и сейчас враги, несмотря на то, что Либкнехт мешает Вильгельму II воевать против нас.

Вот что в сущности сказал г-н Родзянко, если перевести его речь на простой и удобопонятный русский язык.

Рабочие и капиталисты каждой страны одинаково заинтересованы в том, чтобы в их «отечестве» промышленность развивалась как можно шибче. Если богат будет барин, перепадет кое-что и его лакею. Если хорошо «заработает» хозяин, он не обидит и рабочего. Так рассуждают капиталисты всех стран.

И – стыдно сказать, но грех утаить – совершенно так же рассуждают и те бывшие социалисты (социал-шовинисты, оборонцы), которые перешли на сторону «своей» буржуазии.

Возьмите все рассуждения русского Шейдемана, г-н Плеханова. Ничем, решительно ничем, они в данном пункте от рассуждения г-на Родзянко не отличаются. С первых же его статей о войне г. Плеханов развивает ту же самую мысль: «нам» нужно, чтобы в России развивалась промышленность, иначе «мы» попадем под экономическое порабощение Германией, – значит... значит, мы должны поддерживать войну, значит, мы должны заключить союз со своими капиталистами, прекратить стачки, словом, воевать «до конца». И совершенно так же рассуждают немецкие Плехановы – Шейдеманы и Ко. Поставьте вместо слова «Россия» слово «Германия» и обратно, и вы получите то же самое рассуждение – слово в слово. В этом и заключается «хитрая механика» оборончества: войой до конца, и тогда укрепится «н а ш а» промышленность! – кричит один; войой до конца, и тогда укрепится «наша» промышленность! – кричит другой. И выходит какая-то сказка про белого бычка. Рабочие и солдаты разных стран продолжают перерезывать друг другу горло во имя интересов кучки богачей. И из этого заколдованного круга нет никакого выхода, – пока рабочие и солдаты не разгадали всей роковой фальши оборончества...

Капиталисты считают, что так уж от бога положено, чтобы рабочий всю свою жизнь был наемным рабом. Кинуть ему с богатого стола кое-какие объедки, уделить ему крохи из безумных барышей, – и пусть рабочий благодарит за это щедрых хозяев. Если рабочий хочет быть «истинным патриотом», пусть идет умирать каждый раз, когда мы, капиталисты, признаем это нужным для вящего процветания промышленности в нашем «отечестве».

И оборонцы – одни сознательно, другие, сами того не замечая – скатываются к капиталистам. На деле рабочий и солдат и для них является только «серой скотинкой», которая должна возить воду на «наших» капиталистов, воевать за новые рынки, за подчинение «нам» Константинополя, проливов и т. п.

Есть и искренние оборонцы – слов нет – они обмануты капиталистами.

Бebelь когда-то сказал: антисемитизм – это социализм глупцов; люди не понимают, что воевать надо не только против капиталиста-еврея, а против капитализма вообще, против капиталистов всех национальностей.

Так и об оборончестве можно теперь сказать: оборончество есть патриотизм глупцов. Люди думают, что они защищают себя, свою страну, свой класс, а на деле они защищают мощну капиталистов, защищают худших своих врагов.

Когда капиталист говорит рабочему: «ты – истинный патриот», он думает про себя: «ты истинный осел, друг мой, ты возишь воду на меня, а думаешь, что защищаешь себя и свое отечество».

Пора, пора, товарищи рабочие и солдаты, разгадать обман капиталистов и понять всю фальшь оборончества.

Речь. 1917. № 116 от 19 мая (1 июня)

Петроград 19 мая.

Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается.

Такова первая, декларативная статья нового закона о печати, разработанного при широком участии работников пера и опубликованного третьего дня в Собрании узаконений. Свобода печати провозглашена была у нас еще в октябре 1905 года, но фактически разрешительная система очень мало уступила из своих позиций, а административные взыскания, применявшиеся с какой-то садистической беспощадностью, сводили на нет возможность правильно отражать и направлять общественное мнение страны. Со времени же войны под покровом военной цензуры восстановлена была настоящая политическая предварительная цензура, сделавшая положение печати столь же невыносимым, сколь и несоответствующим грандиозности задач, выдвинутых мировой войной. Весьма знаменательно, что последним циркуляром последнего министра внутренних дел старого режима было предписание штрафовать газеты, не стесняясь подысканием подходящих мотивов для этого.

За 2 с половиной месяца столь бурного и тревожного хода событий, приковывающего все внимание, это недавнее прошлое начинает уже покрываться дымкой. Два с половиной месяца печать была не только свободной, ее положение вообще оставалось неурегулированным с точки зрения интересов государственных и общественных. Опубликованный теперь закон устанавливает настоящую, действительную свободу печати, не нарушая ни в чем этого основного начала. Разрешительная система упразднена без всякого остатка. Для достижения этого, после некоторых колебаний, закон отказался от допущения предварительного ареста произведений тиснения, ибо допущение ареста требует установления так называемых конкретных сроков предоставления издания в то или другое правительственное учреждение, а установление сроков в сущности представляет восстановление цензуры. Кроме того, для выпуска в свет повременных изданий требуется лишь соответствующее заявление без получения свидетельства на выпуск, как то было

до сих пор, ибо это давало администрации возможность задерживать выход газеты. Теперь заявление преследует цели исключительно регистрационные, весьма важные в культурном отношении, и необходимые для возможного уголовного преследования преступлений, совершаемых путем печати.

Уголовное преследование, которое до сих пор возбуждалось учреждениями, подведомственными Главному управлению по делам печати, теперь, за упразднением всех этих глубоко ненавистных учреждений, должно возбуждаться на общем основании подлежащими органами судебной власти. Органы эти должны с особым вниманием отнестись в своей новой обязанности, ибо, чем полнее свобода печати, тем важнее заботиться об ограничении достоинства. Надо признать с полным удовольствием, что политическая печать наша оказалась в общем на высоте своего призвания. К сожалению, с того момента, как героический период революции кончился и будничная жизнь вступила в свои права, и тон печати значительно понизился, возникла жестокая полемика и внутренняя грызня, а главное – расцветает все пышнее порнография и погромная литература. В то время как печатное слово с такой жадностью ловится массами, желающими разобраться в вихре событий, эта литература грозит весьма серьезным вредом.

Гораздо опаснее этого явления, которое можно значительно ослабить решительными мерами, нужно признать те бесчисленные нарушения свободы печати, о которых со всех концов России приходят сведения. Их очень много читатели найдут и в сегодняшних телеграммах. Нарушения эти выражаются не только в бойкоте, но и в конфискации изданий и прямо в установлении предварительной цензуры. Такое воскрешение нетерпимости свергнутого режима к чужим мнениям представляет несомненно весьма печальный симптом. Мера свободы, какой фактически пользуется печать, служит показателем состояния свободы вообще. И только тогда, когда положение печати будет фактически определяться новым законом, когда он властно станет на место произвола и насилия, откуда бы они ни старались проникнуть, только тогда можно будет с уверенностью сказать, что свобода у нас существует.

МОДА НА СОЦИАЛИЗМ

<...> Но вот мы дожили до коренного изменения всей нашей политической обстановки. Внезапно мы сами сделались вершителями собственной судьбы. Теперь каждое дело, – отдаленное или ближайшее, – стало зависеть от нас самих.

<...> Но мы только доказываем в тысячу первый раз справедливость того положения, что гораздо легче повалить старый политический строй, нежели изменить свою старую политическую психологию, этим строем воспитанную. Став свободными вершителями собственной жизни, мы по-прежнему никак не можем соскочить с умственных привычек, свойственных мечтателям, осужденным на бездействие... Мы по-прежнему из-за леса не видим деревьев. А ведь это столь же плохо, как и из-за деревьев не видеть леса.

Вот откуда проистекает наблюдаемое сейчас столь изумляющее иностранцев повальное стремление громадного числа россиян непременно, во что бы то ни стало объявлять себя социалистами. Эта эпидемическая мода на социалистов без социализма лишь очень поверхностному наблюдателю может показаться проявлением чрезвычайного прогресса нашей политической зрелости. На самом деле это есть доказательство того, что несмотря на совершившийся политический переворот, мы мыслим и чувствуем все еще задним числом,... И продолжаем упорно вперять наш умственный взор в даль неопределенного будущего в то время как тут, прямо перед нами, непосредственно на нас свалилась такая масса неотложного и первостепенного по своей важности практического дела.

Я очень хорошо чувствую всю обаятельность социалистического идеала. Он действует и на меня всей силой своего очарования. Но ведь в наше время, когда господство утопического социализма давно уже отошло в вечность, когда на всех плакатах и афишах особенно жирным шрифтом набирают слова «научный социализм» – никто не решится утверждать, что осуществление социалистического строя составляет практическую проблему сегодняшнего или завтрашнего дня. Самые крайние

социалистические партии, если только они не хотят умышленно вводить в заблуждение святых простецов, могут говорить в предвыборных платформах не о социалистическом преображении всего мира, а лишь о социальных реформах, могущих внести в современное буржуазное государство возможно большую долю социальной справедливости. Вопрос о возможности осуществления социалистического идеала в истинном смысле этого слова есть вопрос академический, и было бы понятно, если бы его рассмотрением занимались в собраниях какого-нибудь философского или политического кружка. Политически развитое общество так бы и поступало и не стало бы тратить время на чисто академические споры при обсуждении избирательных списков перед избирательной урной. Готовясь идти к избирательной урне, рассуждали бы совсем о другом: насколько осуществимы, целесообразны и проникнуты духом социальной справедливости *реформы*, предлагаемые той или иной партией, независимо от того, облекается ли партия в модный защитный цвет социализма, или она имеет храбрость обходиться без этого предохранительного костюма. <...>

И мне думается, что чем откровеннее та или иная партия вступает на этот именно путь, тем большего доверия она заслуживает. Вот почему я лично предпочитаю партию народной свободы, которая прямо и откровенно объявляет себя партией социальных реформ во имя социальной справедливости, тем партиям, которые становясь, в сущности, на ту же почву, тем не менее считают нужным украсить себя магическим ореолом, заключающимся в прилагательном «социалистическая». И я не могу придавать уже никакого серьезного значения тем партиям, которые хотя и твердят о научном социализме, но в то же самое время прямо вразрез с ним на каждом шагу смешивают путь социальных реформ с требованиями социального утопизма.

Предвыборным спорам мы придаем характер тех споров о вере в жизнь будущего века, которые ведутся в урочную летнюю ночь у берегов волшебного озера, поглотившего в свое время град Китеж. Оттого-то у нас все и спешат объявлять себя социалистами, оттого-то и солдатские и рабочие депутаты поистине в «святой простоте» берут на себя выдачу аттестатов в социалистической благонадежности. Велико было бы легкомыслие того человека, который усмотрел бы в этих явлениях доказательство широкого развития социалистических идей в

населении России. Нет, эти явления показывают только, что мы пока проходим лишь первые буквы политической азбуки. Было бы чудом, конечно, если бы мы сразу обнаружили политическую опытность, которой нам до сих пор неоткуда было взять. Со временем эта опытность придет, конечно, и к нам. И тогда наивная мода на социализм сменится и у нас зрелым сознанием того, что действительно служат социализму не те, кто при всяком случае склоняет во всех направлениях это магическое слово, а те, кто проведением практически целесообразных реформ трудится над увеличением суммы социальной справедливости в нашем обществе.

РАСХЛЯБАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Большевики во всем виноваты» – в этом согласны и кадеты, руководящие контрреволюцией, и «социалисты–революционеры» с меньшевиками, называющие себя «революционной демократией» по случаю каждодневных отступлений этого милого блока от демократизма и от революционности.

«Большевики во всем виноваты» – и в растущей разрухе, против которой ничего не делается, и в плохом положении дела продовольствия, и в «неудаче» Временного правительства с Украиной и Финляндией. Можно подумать, пожалуй, что в среде скромных, умеренных, осторожных финнов забрался какой-нибудь злой большевик и «смутил» целый народ! <...>

Кадеты – партия контрреволюционной буржуазии. Это признал и правящий в России блок эсеров с меньшевиками, который заявил в резолюции съезда Советов, что сопротивление имущих классов растет и составляет основу контрреволюции. И в то же время этот блок, ежедневно обвиняемый «Речью» за бесхарактерность, сам в свою очередь находится в блоке с кадетами, и притом в самом оригинальном блоке, закреплённом составом Временного правительства!

Два блока – вот кто правит Россией, блок эсеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их, политическими партиями. Расхлябанность революции проистекает отсюда неизбежно. Ибо все части этого правящего «блока блоков» – расхлябанные.

Кадеты сами не верят своему республиканизму, и не верят ему кольми паче октябристы и монархисты прочих цветов, ныне прячущиеся за кадета и голосующие за него. Кадеты не верят «социал-блоковцам», охотно употребляя посланных от них министров «на посылки» для всяких «успокаиваний», – но в то же время злобствуя, шипя и негодуя по поводу «требовательности» той массы крестьян и частью рабочих, которая сейчас доверилась эсерам и меньшевикам ради их пышных обещаний («удовлетворить трудящихся, не обидев капиталистов»), но

которая имеет наглость ожидать и требовать действительного выполнения этих обещаний!

Социал-блоковцы не верят друг другу: эсеры не верят меньшевикам и обратно. До сих пор сколько-нибудь ясно, открыто, принципиально ни одна «дражайшая половина» не решилась заявить перед всеми, официально, как, почему, во имя чего, до каких пределов объединились сторонники струвистски⁵²—кастрированного «марксизма» и сторонники «права на землю». Трещит по всем швам единство даже внутри каждой отдельной из этих «дражайших половин»: у эсеров их съезд 136 голосами против 134 «прокатил» Керенского, что вызвало уход из ЦК самой «бабушки»⁵³ и разъяснение ЦК о том, будто не выбрали Керенского исключительно ввиду его переобремененности (не в пример Чернову) министерскими обязанностями. «Правые» эсеры в «Воле Народа» ругают свою партию и ее съезд, левые ютятся в «Земле и Воле», дерзая говорить о том, что массы не хотят войны, продолжают считать ее империалистской.

У меньшевиков правое крыло перекочевало в «День», возглавляемое Потресовым, которого «ласкает взорами любви» само «Единство» (бывшее вчера еще в блоке со всей партией меньшевиков на выборах в Питере).

Левое крыло сочувствует интернационализму и основывает свою газету. Блок банков с Потресовыми через газету «День», блок всех меньшевиков, вплоть до Потресова и Мартова, через «единую» меньшевистскую партию.

Это ли не расхлябанность?

«Оборончество» плохо скрывает эту расхлябанную революцию, ибо даже теперь, даже после возобновления империалистской войны, даже при угаре восторгов, вызванных наступлением, обострилось «наступление» сторонников Потресова на противников его в одном союзе, сторонников Керенского на противников его – в другом.

«Революционная демократия» не верит больше в революцию, боится демократии, опасается больше всего на свете разрыва с англо-французскими капиталистами, опасается недо-

⁵² Струве П. Б. – эсер, политик, один из сторонников «легального марксизма».

⁵³ Е. Брешко-Брешковская – одна из создателей и старейших членов эсеровской партии, ушла из ЦК партии эсеров начале июня 1917 г. из-за разногласий в отношении к войне и к деятельности Керенского.

вольства капиталистов русских. («Наша революция буржуазная» – в эту, забавно изуродованную Даном, Церетели и Скобелевым, «истину» уверовал «сам» министр Чернов.) Кадеты ненавидят революцию и демократию.

Это ли не расхлябанность?

Всеобщий дикий вой злобы и бешенства против большевиков есть общая жалоба кадетов, эсеров и меньшевиков на свою собственную расхлябанность.

Они в большинстве. Они у власти. Они все в блоке друг с другом. И они видят, что – у них ничего не выходит! ! Как же не злобствовать на большевиков?

Революция поставила вопросы необычайной трудности, гигантской важности, мирового размаха. Ни сладить с разрухой, ни вырваться из ужасных тисков империалистской войны нельзя без самых решительных, на беззаветный героизм угнетенных и эксплуатируемых масс рассчитанных, революционных мер, без доверия и поддержки этими массами своего организованного авангарда – пролетариата.

Массы пробуют пока поискать выхода «полегче»: через блок кадетов с блоком эсеров и меньшевиков.

Выхода не оказывается.

Печатается по:

Ленин В. И. Полное собрание сочинений.

5-е изд. Т. 32. С. 381–383.

КАК ЖЕ БЫТЬ?

В нашей революционной демократии есть меньшинство, которому присвоено название фракции большевиков. Название это неправильно, потому что, к счастью, не все большевики одобряют нынешнюю тактику указанного меньшинства. Оно состоит из сторонников Ленина. По этой причине ему больше всего приличествует название *ленинской* фракции.

Впрочем, дело не в названии: каким бы именем ни окрестили мы фиалку, она сохранит свой прежний запах. Сохранит свой запах и то меньшинство, о котором здесь идет у меня речь, как бы мы его ни назвали. Его запах весьма своеобразен. Когда еще не была, – к величайшему вреду для русского революционного движения, – разрушена организация Российской социал-демократической партии, сторонники Ленина делались самыми убежденными и решительными проповедниками дисциплины всякий раз, когда оказывались в большинстве. Тогда они настойчиво требовали, чтобы меньшинство точно исполняло все решения, принимавшиеся на наших партийных съездах. Малейшее уклонение не только от духа, но и от буквы этих решений клеймилось ими, как анархизм. Но, как только сами они становились меньшинством. Происходила немедленная перемена декораций. Ленинцы переставали уважать волю большинства и вели себя как самые заправские анархисты. <...> Хотя сторонники Ленина составляют меньшинство в нашей революционной демократии, которая отвергает их тактику, однако это не препятствует им твердо держаться своих тактических приемов и, время от времени, делать попытки приобретения господства посредством вооруженных манифестаций.

До сих пор эти попытки оставались безуспешными.

Но, во-первых, оставаясь безуспешными, они вовсе не проходили бесследно. Они внушали ужас населению и тем самым рождали в нем недоверие к революционному правительству, а следовательно, и к революции. Но что такое *недоверие к революции*, если не *контрреволюционное настроение*?

Во-вторых, кто поручится нам за то, что одна из вооруженных манифестаций, организуемых ленинцами, не увенчается успехом?

За это никак нельзя поручиться по той вполне достаточной причине, что вооруженное меньшинство без большого труда может справиться с невооруженным большинством. По правде сказать, еще неизвестно, чем кончатся волнения, происходящие в Петрограде в то время, когда я пишу эти строки, и вызванные, разумеется, теми же ленинцами. Но будем надеяться, что Временное правительство сумеет совладать с ними, и спросим себя: неужели волнения эти ничему не научат нашу революционную демократию в лице ее большинства? Казалось бы, что они высокопоучительны.

<...>Они (большевики) делают вид, что добиваются только устранения из Временного правительства «министров-капиталистов». Но участие «министров-капиталистов» во Временном правительстве вполне согласно с волей большинства революционной демократии. Большинство это убеждено, что требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны, так как при нынешних условиях она породила бы анархию, за которой очень быстро бы последовала контрреволюция.

Значит, направляя против министров-капиталистов свои ружья и пулеметы, сторонники Ленина целят собственно в тактику революционного демократического большинства. Без всякого сомнения, тактика эта оставила бы по себе одно воспоминание, если бы ленинцы сумели навязать нашей революционной демократии отказ от идеи коалиционного правительства.

Ленинцы не отступают перед междоусобием в рядах революционной демократии. <...>

Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней. Гражданская война, значит, умножит шансы контрреволюции. Поэтому превосходно делало большинство революционной демократии, всеми силами стараясь предупредить ее.

Этим оно исполнило свой долг перед рабочим классом и перед всей страной. <...>

Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину!

ЧЕРЕЗ ГОЛОВЫ

Нелепый бунт ликвидирован. Физические и, надеюсь, интеллектуальные убийцы понесут наказание. Дело судебной власти – разобраться в фактах, дело граждан – ждать результатов следствия. Обвинения, брошенные в лицо большевикам, так же ждут подтверждения...

Но другое должно быть учтено немедленно же: настроение населения и не только Петрограда. Маятник революции безмерно раскачали влево. И, достигнув предела мыслимого колебания, маятник мчится в сторону, противоположную с той же быстротой...

Россия равнодушна к горестям и ликованиям большевиков или меньшевиков, к их фракционной вражде, к их борьбе между собой. Россия не есть сумма двух фракций, ибо она вне и выше их. Если бы у нас, действительно, существовали эти миллионы большевиков и меньшевиков, революция свершилась бы уже 25 лет тому назад...

За четыре месяца рождалось лишь настроение, За обладание им и вели тяжбу большевики, меньшевики, фракционные, внефракционные и межфракционные социал-демократы. Настроение вытягивали, как струну. Она лопнула, и теперь приближается настроение к исходному своему пункту. И первой задачей революции является овладение настроением. Нельзя давать ему в разбеге своем опуститься до нуля. Сложность положения в том, именно, что настроение понеслось через головы большевиков, пронесится через меньшевиков, может пронестись через конституционных демократов, перескочить через прогрессистов и октябристов и упереться в черную стену реакции. Психология понижения настроения есть психология контрреволюции. Этого не хотели, а может быть, не в состоянии были понять те фракционные вожаки, которые всерьез возомнили себя лидерами демократии.

Принимая бесчисленный ряд резолюций, споря из-за слов, как типичные кружковые пропагандисты, они мыслили Россию, как какую-то огромную, случайно образовавшуюся фракцию,

единую носительницу истины и революционности... Время ли теперь продолжать фракционную болтовню?

Я повторяю: в России нет уверенности. Люди лишены уверенности в себе, в других, в событиях. И, ища уверенности, спасаясь от государственной неоформленности, идут туда, где, по их мысли, может создаться уверенность эта. Государство – это национальная дисциплина, она и есть форма уверенности в себе и в других и в фактах. А дисциплина не есть нечто отвлеченное. Напротив того, она видима, как проявление власти, пользующейся авторитетом и правом силы. А и то, и другое существует лишь тогда, когда власть едина. Две власти – отсутствие власти, как две семьи – отсутствие семьи, как две точки зрения – отсутствие какой-либо точки зрения.

Вот почему отклонение движения маятника настроения вправо выдвигает вновь вопрос о создании власти. Ее не было и нет до сих пор. Временное правительство, получившее власть от революции, от того Таврического дворца, куда шел народ, как к единственному организационному центру, – это правительство превратилось в мираж. Оно стало игрушкой в руках одного класса и его агитаторов. Над правительством была учреждена опека, и назначившее себя опекунами говорили от лица полномочной, иногда даже правомочной организации, которой Россия ничего не поручала...

Совет не хотел понять, что история не терпит подмена, что один класс не может говорить за весь народ, навязывать ему свою волю. Более того, свою волю России хотел диктовать даже не один класс, а одна партия, лишь вчера призванная к настоящей жизни. Большевики и меньшевики – дети одной матери, имя которой – социал-демократия. И как ни яростна была между ними борьба, лишь по внешности она была роковой. В действительности цели были одни и те же. Большевики лишь кричали: «Долой министров-капиталистов», «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». Меньшевики не кричали, они действовали. Скажите, разве фактически вся власть не принадлежала Совету рабочих депутатов?...

Надо было понять, что по существу лозунг большевиков уже осуществлен, что власть всецело принадлежит Совету, что диктатура пролетариата существует...

А настроение уходило все вправо. Диктатура фракции не могла удовлетворить Россию. События это доказали. Прошлого не воротить, но о будущем надо подумать.

Создание государственной власти, власти национальной только и может вывести Россию из тупика, довести нас до Учредительного Собрания и тем закрепить успех революции. А эта власть только тогда и будет властью, если она станет силой единой...

Если Совет рабочих депутатов уяснит себе аксиому о единой власти и посторонится, – возможно удержать настроение и не дать ему уйти далеко вправо. Но если классово-партийная власть по-прежнему оставит в России форму двоевластия, кто поручится за то, что настроение не перенесется через головы всей демократии и не упрется в тупик реакции? Уже оскалила зубы контрреволюция, уже вчерашние большевики из отребьев населения ведут погромную агитацию... Уже проносится через головы демократии («революционной» и "буржуазной") волна правого настроения.

...Еще есть время удержать страну от развала, от «антитезы». Пусть же, помня об ответственности перед фракциями и партиями, Совет рабочих депутатов не забудет и об ответственности пред Россией и пред революцией. Самоограничением он спасет и себя, и страну.

ИТОГИ МОСКОВСКИХ ВЫБОРОВ⁵⁴

...Если руководиться только тем, что говорится и делается у нас сейчас на переднем плане нашей политической жизни, то получается такая картина, как будто все содержание русской жизни сводится в настоящий момент к борьбе социализма и буржуазии, причем социализм победоносно охватил собою громадное большинство населения и потому то именно социалистические организации, т.е. советы рабочих депутатов, и играют сейчас первую роль в политической жизни, по праву выражая собою мысль и волю большинства населения.

Итак, вот первый вывод из исхода московских выборов: все упорные речи о главенствующей роли в русской жизни рабочего городского пролетариата и вытекающие из этого претензии социал-демократических организаций... должны быть противоречащими подлинному складу русской жизни в настоящий момент ее развития. А затем следует и второй вывод: если в крупнейшем городе под знаком социализма победа достается партии по существу не городской, то это может означать лишь то, что «социализм» и «борьба социализма с буржуазией» вообще были не при чем на этих выборах..., и внешней этикеткой социализма... прикрывалось какое-то иное содержание... Победу списку № 3 более всего доставило инстинктивное и стихийное недоверие простонародных масс к интеллигенции, ко всякой интеллигенции, в том числе и к демократической.

Платочки и картузы голосовали против шляп, независимо от того, какое мирозерцание – буржуазное или небуржуазное, – наполняло прикрываемый шляпой тот или иной череп...

Правда, эта масса усвоила «господские» термины «социалист» и «буржуй», но, пользуясь этими терминами очень бойко и уверенно, она вложила в них свое собственное содержание... «Буржуй», это – крепостник, а «социалист» это – тот, кто из крестьянина хочет сделать крепкого деревенского буржуя. И потому – голосуйте против «господского» списка.

⁵⁴ Выборы в Московскую городскую Думу – победили, набрали больше всех голосов эсеры (список № 3), второе место – кадеты (список № 1).

Первое движение простонародной массы после поворота – резкое недоверие к интеллигенции в «шляпах» без различия ее направлений. Затем – быстрая убеждаемость в том, что без интеллигенции в общественном деле не обойдешься и приглашение к «шляпам», понимающим суть дела, «принять участие» и «пособить».

Список № 1 был по составу именно интеллигентским. Это была демократическая интеллигенция. Но ... для массы все «шляпы» представляются под одной скобкой. Список № 3 и был облюбован массой не как список социалистический, а как якобы «не господский».

Я не хочу сказать, конечно, что партия социалистов–революционеров не есть партия интеллигентская. Наоборот, я лично убежден, что эта партия, в сущности, в большей мере интеллигентская, нежели простонародная, но я отмечаю только, что агитация за список № 3 ... велась по такой линии, что массы восприняли ее как лозунг «против шляп».

Агитация против списка партии народной свободы велась чрезвычайно усиленная всеми прочими партиями... Кандидаты списка № 1 характеризовались как люди, сосущие народную кровь, которые хотят восстановить крепостное право...

Победившая социалистическая партия победила не из-за социализма. А прочие социалистические партии оказались ниже партии демократической интеллигенции...

А прогноз? ...Для социал-демократов московская неудача сокрушительна, ибо она вскрывает необоснованность всех ее притязаний... Происшедшее есть только первый акт предметного урока, вторым актом будет... возвращение простонародной массы путем опыта к мысли о том, что не всякие господа в шляпах суть крепостники и что без интеллигенции, желающей делать с народом общее дело, никак не обойдешься. Тогда приемы, примененные ныне для опорочивания списка партии народной свободы, утратят обаяние и процент голосов за эту партию пойдет в гору...

КЛАССОВЫЙ СДВИГ

Всякая революция, если это настоящая революция, сводится к классовому сдвигу. И поэтому лучший способ прояснения сознания масс, – а также борьбы с обманом масс посредством божбы революцией) – состоит в разборе того, какой именно классовый сдвиг в данной революции произошел и происходит.

В 1904-1916 годах особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников–помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли и в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики.

Либеральная буржуазия, с кадетами во главе, была в оппозиции. Боясь народа больше, чем реакции, она пододвигалась к власти путем соглашательства с монархией.

Народ, т. е. рабочие и крестьянство, с вожаками, загнанными в подполье, был революционным, представлял из себя «революционную демократию», пролетарскую и мелкобуржуазную.

Революция 27 февраля 1917 года смела монархию и поставила у власти либеральную буржуазию. Эта последняя, действуя в прямом соглашении с англо-французскими империалистами, хотела маленького дворцового переворота. Ни в каком случае дальше цензовой конституционной монархии идти она не хотела. И когда революция на деле пошла дальше, к полному уничтожению монархии и к созданию Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), либеральная буржуазия стала сплошь контрреволюционной.

Теперь, четыре месяца спустя после переворота, контрреволюционность кадетов, этой главной партии либеральной буржуазии, ясна как день. Все ее видят. Все вынуждены признать ее. Но далеко не все согласны посмотреть в лицо этой правде и продумать ее значение.

В России сейчас демократическая республика, управляемая свободным соглашением политических партий, свободно агитирующих в народе. Четыре месяца после 27 февраля вполне сплотили и оформили все сколько-нибудь значительные партии, проявили их на выборах (в Советы и в местные учреждения), обнаружили их связь с разными классами.

В России сейчас у власти контрреволюционная буржуазия, по отношению к которой «оппозицией ее величества» стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в соглашательстве с контрреволюционной буржуазией. Мелкобуржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта мелкобуржуазная демократия хочет раздела власти с буржуазией, а не свержения ее, совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелкобуржуазной демократии (эсеры и меньшевики) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг «обожаемого» монарха.

Изменилась форма соглашательства: при монархии она была груба, царь пускал кадета только на задворки Государственной думы. При демократической республике соглашательство стало европейски-утонченным: мелких буржуа пускают в безвредном меньшинстве и на безвредные (для капитала) роли в министерство.

Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место действительно революционной демократии.

Необыкновенно ускорила все развитие империалистская война. Без нее эсеры и меньшевики могли бы десятки лет вздыхать по министерским местечкам. Но эта же война ускоряет развитие и дальше. Ибо она ставит вопросы не реформистски, а революционно.

Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами не выйдешь.

Империалистская война давит и раздавит народы. Отсрочить гибель, может быть, в состоянии не надолго мелкобуржуазная демократия. Спасти от гибели в состоянии только революционный пролетариат.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Это слово выкинулось в первые же дни свободы и стало истинным жупелом. Безоблачный энтузиазм, умиленный восторг первых часов сгорел сразу и без остатка. На место его пришло очень сложное, очень спутанное состояние несомненно депрессивного характера. Кто-то вдруг не своим голосом, как кричат об украденном кошельке, закричал о контрреволюции, об ее опасностях, грозящих каждую минуту, – и люди, только что облобызавшие друг друга, вздрогнули, шарахнулись, побледили и принялись озираться по сторонам.

Контрреволюция – одно из популярнейших и неопределеннейших слов по полному отсутствию конкретного, наглядного содержания, и оно тем страшнее, чем темнее его смысл, чем больше простора он дает воображению. Сначала ее ждали из действующей армии, потом – от Вильгельма, от великих князей, от министров..., от буржуев, от черной сотни, от офицерских депутатов... Потом стали ждать отовсюду, лихорадочно, смятенно озираясь и шарахаясь, пугаясь и озлобляясь, одни – вынося свирепые резолюции, другие – кидаясь кого-то душисть и не зная толком, кого же именно надо душисть, что это такое, чем его заклясть, чтобы оно, проклятое, отстало, сгнуло, не мучило бы.

Огромный – для напряженной революционной эпохи – срок революционная демократия прожила под знаком этой маниакальной тревоги, и в этом – великое несчастье. Она, эта тревога, слишком мучительна, из нее нельзя извлечь никакого творческого, положительного, жизненного элемента; она – плохой советчик, отвратительный руководитель в деле великого строительства. Но ей, к несчастью, присущи все средства заколдованного круга, где порожденное причиной следствие сейчас же само обращается в причину.

Не знаю, прав я или нет, но все, что до сих пор выдвигалось руководящими партиями в качестве последовательно сменяющихся пугал контрреволюции, казалось мне мало основательным. Царь и его семья сразу оказались безнадежно, беспо-

воротно покинуты *всеми*, буквально всеми; контрреволюционных генералов, достаточно предприимчивых, в наличии не оказалось; буржуазия не проявила никаких поползновений к овладению властью; зловерные министры не обнаружили никакого упорства. Демократия неудержимо шла от успеха к успеху; чудесная победоносность ее первого выступления озаорила и ее дальнейший путь. И, однако, на этот озаоренный путь сейчас же пришел страх, назойливый и неодолимый. <...>

Я боюсь контрреволюции не потому, что какая-нибудь Кассандра поделилась со мной своим пророческими видениями... Я боюсь контрреволюции потому что, толкаясь среди народной солдатской массы, среди уличной казарменной, вокзальной толпы, я стараюсь всматриваться в ее серое, непроницаемое лицо, слушать ее темную, раздробленную, иногда загадочную речь, ловить обрывки ее скрытых дум, фрагменты ее настроений, отблески ее чувств. Это – метод спорный, несколько не научный, но он составляет давнюю мою привычку и имеет свои выгоды; я многим рекомендовал бы не пренебрегать им, особенно теперь, когда русская жизнь приобрела кажущуюся резкую определенность. Разве кто-либо знает сейчас, каково подлинное лицо народа?

Ведь масса народная – она разная; и менее всего мы знаем самую большую, самую огромную ее часть. Мы привыкли смотреть лишь на ту ее часть, которая вышла на освещенную сцену; лицедействует, «играет роль». Роль эта огромна, разумеется, но все-таки это – лишь «действующие лица», временные, проходящие представители огромного, стоящего за ними целого. Целое по большей части молчит или заявляет свое мнение только в самые критические моменты трагедии. Действующие лица, активное меньшинство слишком увлечено страстной злобой дня, взаимной борьбой и возней, чтобы с достаточным вниманием присматриваться к этому обширному малоподвижному «обывательскому» целому. А между тем именно это малоподвижное, малодетельное, туго рассуждающее и косноязычное целое и держит в своих руках судьбы всего, что есть на поверхности. <...>

Беда в том, что этот народ вообще несловоохотлив. Даже когда вся поверхность жизни кипит и бурлит, он более всего любит помалкивать. Он – не мастер говорить, спорить – и того

меньше. Где-нибудь промежду себя поговорить, это – еще туда-сюда, да и то разговор получится довольно несуразный...

Немощь слова, немощь суждения, все темно... После каждого митинга с речами и самыми решительными постановлениями идет во всех этих головах страшно трудная, мучительная, темная работа, идущая своими, совсем особыми путями, далеко порою уводящими от речей и резолюций. И еще трудней... идет эта работа, когда за бесконечными, безнадежно запутанными речами и резолюциями, вдруг по простому, элементарному народному чувству ударит огромное сообщение...

– Просидели Расею. И все просидят. Потому, – народ такой, – нешто с таким народом можно. Палку на него надо.

Кого он обвиняет?... Как быть? И этого он не скажет... Ответит, как всегда, – молчаливым подписанием, – все дело только в том, что же именно он подопрет, куда «подастся»...

Доныне, – будем говорить правду, как бы жестока она ни была, – революционная демократия не дала ему никакого определенного, *для него* ясного, практического и принципиального руководства. Она страшно взволновала его вначале,... потрясла его простецкую душу гремевшей вестью о правах и о земле, ... и с первых же дней начала туманить и путать его простую голову, его инстинкт... порядка, его стихийный ... патриотизм.

Ни одного ясного руководства... Есть отечество или нет? Наступать – не наступать? Война – спасение или война – гибель?

Безобразия. Именно как безобразия должно было отложиться в ... душе среднего русского человека весь этот буйный хаос, вся эта возня и борьба, с первых дней раздирающая революцию.

Вот откуда придет опасность контрреволюции, которая мерещится запутавшимся политикам совсем не там, где она может быть на самом деле... Она придет из глубины самих народных масс, и она будет *хуже*, чем этот генерал от реакции. Потому что дело будет тогда не в красной шинельной подкладке, а в подкладке психологической, в элементарном повороте настроения, в наступившем отливе великого народного моря...

Не погубите революцию. Не просидите Россию.

ДОЛОЙ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ!

Смертную казнь воскресили!

Временное Правительство под натиском буржуазии сделало этот невероятный шаг.

Смертная казнь, правда, пока еще пользуется «ограниченными правами – ее будут применять только к солдатам и матросам, но, может быть, недалеко то время, когда она получит полные права гражданства».

Буржуазия делала и делает все, чтобы разжечь огонь войны. Трехлетняя бойня не умерила ее аппетитов. Она всеми силами и всеми средствами стремится к достижению своих целей.

Но страна истощена, народ устал, рабочие и солдаты требуют прекращения войны – движение против войны принимает все более грозные размеры.

И вот пускается в ход «верное средство» – вы не хотите умирать на фронте, так мы вас будем расстреливать, будем вешать сами!

Смертная казнь – для того, чтобы подбодрить солдат и матросов!

Смертная казнь для того, чтобы затянуть войну!

Смертная казнь для того, чтобы запугать солдат!

Палачей опять приглашают занять их посты.

Гнуснейшее средство пущено в дело. В свободной революционной России к солдатам и матросам будут его применять.

Смертную казнь к тем, кто эти годы сидел в окопах, голодал, холодал, для них в революционной России не нашлось ничего лучшего?

Это позор, позор для тех правительственных партий (эсеров и меньшевиков), при попустительстве которых введена смертная казнь.

Со всей мощью мы должны протестовать против введения этого гнусного средства.

В свободной России не должно быть этого грязного пятна, не должно быть смертной казни!

Только политика соглашательства с буржуазией, только сдача ей наших революционных позиций привела, наконец, наши правящие партии и их вождей к тому, что смертная казнь опять воскресла и опять увидела свет.

Мы должны и будем бороться за отмену смертной казни.
Долой смертную казнь!

ЧЕГО ХОТЯТ КАПИТАЛИСТЫ?

На днях открылся в Москве второй Всероссийский съезд торговцев и промышленников. Съезд открылся программной речью лидера националистов, миллионера Рябушинского.

О чём говорил Рябушинский?

Какова программа капиталистов?

Это необходимо знать рабочим, особенно теперь, когда капиталисты командуют властью, а меньшевики и эсеры заигрывают с ними, как с «живыми силами».

Ибо капиталисты – заклятые враги рабочих, а чтобы победить врагов, надо их знать прежде всего. Итак, чего хотят капиталисты?

В чьих руках власть?

Капиталисты не пустые болтуны. Они люди дела. Они знают, что коренной вопрос революции и контрреволюции – это вопрос о власти. Не мудрено поэтому, что свою речь Рябушинский начинает с этого основного вопроса.

«Наше Временное правительство, – говорит он, – которое представляло собой какую-то видимость власти, было под давлением посторонних людей. У нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лжеводители народа направили его на путь гибели, и вот всё русское царство стало перед зияющей бездной» («Речь»).

Что «у нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов», это, конечно, верно. Но не менее верно и то, что «шарлатанов» этих надо искать не среди «советских вождей», а среди самих же Рябушинских, среди тех друзей Рябушинского, которые вышли 2 июля из Временного правительства, неделями торговались из-за министерских портфелей, шантажировали эсеро-меньшевистских простаков угрозой оставить правительство без кредита и, наконец, добились своей цели, заставив их плясать под свою дудку.

Ибо они, эти «шарлатаны», а не «советские вожди» продиктовали правительству аресты и разгромы, расстрелы и смертную казнь.

Ибо они, эти «шарлатаны», «давят» на правительство, превращая его в ширму, защищающую их от народного гнева.

Ибо они, эти «шарлатаны», а не «советские» безвластные «вожди», «воцарились теперь фактически» в России.

<...> Что Россия загнана в тупик, что она переживает глубокий кризис, что она на краю гибели, – это, конечно, верно.

Но не странно ли, что:

1) В России до войны был избыток хлеба, причём мы вывозили его ежегодно 400–500 миллионов пудов, а теперь, во время войны, у нас не хватает хлеба, мы принуждены голодать.

2) В России до войны государственная задолженность равнялась 9 миллиардам, причем для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей в год, между тем как за три года войны задолженность доходит до 60 миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда рублей.

Не ясно ли, что Россия загнана в тупик войной и только войной?

Но кто толкал Россию на путь войны, кто толкает её теперь на путь продолжения войны, как не те же Рябушинские и Коноваловы, Милюковы и Винаверы?

«Расточителей» в России много и они губят Россию, – в этом не может быть сомнения. Но их надо искать не среди «товарищей», а среди тех же Рябушинских и Коноваловых, капиталистов и банкиров, наживающих миллионы на военных поставках и государственных займах.

И если русский народ поймёт их когда-нибудь, он круто расправится с ними, – в этом они могут быть уверены.

Но дело тут, конечно, не в этом. Дело в том, что капиталисты жаждут прибыльной для них «войны до конца», но боятся отвечать за её последствия, поэтому они стараются взвалить вину на «товарищей», чтобы тем легче было затопить революцию в волнах войны.

Вот к чему клонит речь г. Рябушинский.

Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Войны до полной победы над революцией – вот чего хотят они.

Кто предаёт Россию?

Обрисовав критическое положение России, Рябушинский даёт и «выход из положения». Но послушайте, что это за «выход»:

«Государство не дало населению ни хлеба, ни угля, ни мануфактуры... может быть, для выхода из положения потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические Советы и комитеты».

Вы слышите: «потребуется костлявая рука голода, народная нищета»...

Господа Рябушинские, оказывается, не прочь наградить Россию «голодом» и «нищетой» для того, чтобы «схватить за горло» «демократические Советы и комитеты».

Они не прочь, оказывается, закрыть заводы и фабрики, создать безработицу и голод для того, чтобы вызвать преждевременный бой народа и успешнее расправиться с рабочими и крестьянами.

Вот они, «живые силы» страны по аттестации «Рабочей Газеты» и «Дела Народа».

Вот где настоящие предатели и изменники России.

В России много говорят теперь о предательстве. Бывшие жандармы и нынешние контрразведчики, бездарные наймиты и развратные сутенёры – теперь все пишут о предательстве, кивая в сторону «демократических Советов и комитетов». Пусть знают рабочие, что лживые речи о предателях лишь прикрывают действительных предателей многострадальной России!

Вы хотите знать, чего хотят капиталисты?

Торжества интересов своего кошелька, хотя бы ценой гибели России – вот чего хотят они.

СИМВОЛ

28 февраля революционный народ, завладев Зимним Дворцом, водрузил красное знамя победоносного восстания на место императорского штандарта. Здесь висело оно в лучах новорожденного мартовского солнца, развевая алые складки перед лицом ангела, увенчивающего Александровскую колонну. И всякий, видевший это знамя, повторяя радостно или, наоборот, с подавленным вздохом: – Да, революция победила.

С тех пор миновало полгода. Очень мало времени и страшно много. Зависит от того, как считать пор обычному астрономическому календарю или по календарю внутреннему, душевному, по календарю нашего общего психологического опыта. Во всяком случае, довольно воды утекло в Неве мимо береговых гранитов в злое, враждебное море. И событий тоже совершилось не мало.

Первое время Зимний Дворец стоял пустой и необитаемый... Потом во дворце поселилась Верховная Следственная Комиссия. Потом еще какие-то казенные учреждения. Наконец, среди словесных бурь и битв в Малахитовом зале родилось новое революционное правительство. Правительство, третье по счету, но в сущности, первое по заявленному вслух желанию властвовать и управлять.

Флаг революции остался висеть на прежнем месте. Однако, почти непредвиденное случилось с ним. Флаг ... выцвел. Выцвел совершенно, до полного исчезновения всяких следов красной краски.

Если не верите, не поленитесь сходить на Дворцовую площадь. Взгляните: вверху унылая небесная хлябь, внизу чмокающие лужи. Между лужами и хлябью полощутся в резком осеннем ветре какие-то старые лохмотья. Это знамя революции реет «над омраченным Петроградом». Есть символика неодушевленных предметов, ясная внимательному взгляду. Символика немая, на красноречивая. Гораздо красноречивее самых прославленных митинговых трибунов.

Флаг революции истрепался и выцвел. Но ведь и сама революция за истекшие полгода утратила свои прежние яркие цвета. Она приобрела такой будничной, такой затрапезный облик. Не встречая нигде внешней преграды и отпора, распространяясь беспрепятственно вглубь и вширь исключительно по закону своей собственной диалектики, она, тем не менее, внутренне изжила самое себя, износилась психологически почти без остатка...

Революционный пафос израсходован. Огни революционного фейерверка догорели, оставив лишь дым, копоть и чад. Этот чад отравляет теперь нашу жизнь, мешает нам видеть и дышать свободно. Шумный праздник свободы окончен. Революционный хмель улетучился. Наступает тяжелое, болезненное похмелье. Бог весть, как долго продлится оно...

Я знаю – поскольку дело касается флага – беде помочь довольно легко. Достаточно повесить вместо старого полотнища новое – красное как кровь, алое, как заря...

Но так ли просто будет вернуть израсходованный энтузиазм, разогреть до красного каления остывший пыл, дать новую жизнь мертвым словам революционной фразеологии, восстановить утраченную веру, принудить реку времени устремиться обратно к своему истоку?

Тот, кто способен верить чудесам, пусть верит.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
Ч. II ЭЛЕМЕНТЫ БОНАПАРТИЗМА

Мелкий лавочник – человек трезвенный: он паче всего боится «рисковать». Но в то же время он и величайший фантаст: каждый мелкий лавочник надеется стать Ротшильдом. Это сочетание худосочной трезвенности с бесплодной фантастикой составляет самую сущность мелкобуржуазной политики. <...>

Санчо Пансо воплощает пошлую трезвенность. Но ему отнюдь не чужда романтика: иначе он не пошел бы за Дон-Кихотом. Трезвенность мелкобуржуазной политики наиболее законченно и потому наиболее отталкивающе выражает Дан. Церетели дает сочетание этой трезвенности с романтикой: «Только дурак ничего не боится!» – сказал Церетели Мартову⁵⁵. Благонameranый мещанский политик, наоборот, боится всего: он боится разгневать своих кредиторов, он боится, что дипломаты примут всерьез его «пацифизм», а больше всего он боится власти. Так как «дурак ничего не боится», то мелкобуржуазный политик считает, что всесторонней трусостью он себя страхует от глупости. И в то же время он надеется стать Ротшильдом: вставив два–три слова в дипломатическую ноту Терещенки, он надеется приблизить мир; князю Львову он надеется внушить свои вернейшие средства против гражданской войны. А кончает великий мелкобуржуазный умиротворитель тем, что разоружает рабочих, отнюдь не разоружая ни Половцева, ни Каледина. И когда вся эта политика рассыпается прахом от первого серьезного толчка, Церетели и Дан объясняют всем, кто им хочет верить, что революция отброшена назад не неспособностью мелкобуржуазной демократии взять в свои руки власть, а «мятежом» пулеметного полка. <...>

В «Рабочей Газете», в этом органе поддельного, дановского, данизированного «марксизма», делаются попытки наклеить на нас кличку «третьеиюльцев». Что в движении 3 июля мы всеми симпатиями нашими были с рабочими и солдатами, а не

⁵⁵ Церетели и Мартов – видные меньшевики.

с юнкерами, Половцевым, Либером и контрразведкой, это несомненно. Мы бы заслуживали презрения, если бы это было иначе. Но пусть поостерегутся банкроты «Рабочей Газеты» слишком напирать на 3 июля, так как это ведь день их политического самоупражнения. Кличка третьеиюльцев может легко повернуться к ним другим концом. 3 июня 1907 г. хищные клики царской России совершили государственный переворот, чтобы захватить в свои руки государственную власть. 3 июля 1917 г., в момент глубочайшего кризиса революции, мелкобуржуазные демократы громогласно провозгласили, что они не способны и не хотят взять в свои руки власть. С ненавистью отшатнувшись от революционных рабочих и солдат, которые требовали от них выполнения элементарного революционного долга, третьеиюльцы заключили союз с подлинными третьеиюльцами в целях обуздания, разоружения и заточения социалистических рабочих и солдат. Предательство мелкобуржуазной демократии, ее позорная капитуляция перед контрреволюционной буржуазией – вот что изменило соотношение сил, как это уже не раз бывало в истории революции.

В данных условиях строилось последнее министерство, которое Скобелев с благодарной почтительностью подмастерья по отношению к мастеру называет не иначе, как «правительством Керенского». Безвольный, бессильный, расхлябанный режим мелкобуржуазной демократии уперся в личную диктатуру.

Под фирмой так называемого двоевластия шла борьба двух непримиримых классовых тенденций: империалистической республики и рабочей демократии. Пока борьба оставалась неразрешенной, она парализовала революцию и неизбежно порождала явления «анархии». Руководимый политиками, которые всего боятся, Совет не смел брать власть. Представительница всех клик собственности, кадетская партия, еще не могла взять власть. Оставалось искать великого примирителя, посредника, третейского судью.

Еще в середине мая Керенский был назван в заседании Петербургского Совета «математической точкой русского бонапартизма». Уже эта бестелесная характеристика показывает, что дело шло не о личности Керенского, а об его исторической функции (деятельности, роли). <...> Керенский оказался ближе и понятнее всех всероссийской обывательщине. Защитник по

политическим делам, «социал-революционер», который стоял во главе трудовиков, радикал без какой бы то ни было социалистической школы – Керенский полнее всего отражал первую эпоху революции, ее «национальную» бесформенность, занимательный идеализм ее надежд и ожиданий. Он говорил о земле и воле, о порядке, о мире народов, о защите отечества, героизме Либкнехта, о том, что русская революция должна поразить мир своим великодушием, и размахивал при этом красным шелковым платочком. Стоит сказать – полупроснувшийся обыватель с восторгом слушал данные речи: ему казалось, что это он сам говорит с трибуны. Армия встретила Керенского, как избавителя от Гучкова. Крестьяне слышали о нем, как о трудовике, о мужицком депутате. Либералов подкупала крайняя умеренность идей под бесформенным радикализмом фраз. Настороже были только передовые рабочие. Но их Советы успешно растворяли в «революционной демократии».

Свобода от предрассудков доктрины позволила Керенскому первым из «социалистов» вступить в буржуазное правительство. Стоит заметить, что он же первый заклеил именем «анархии» обострившуюся социальную требовательность масс, пригрозив еще в мае финляндцам скорпионами, и бросил свою пышную фразу о «восставших рабах», которая бальзамом пролилась на сердца всех огорченных собственников. Исходя из всего выше сказанного, мы приходим к выводу, что его популярность представляла собою клубок противоречий, в которых отражалась бесформенность первого периода революции и безвыходность второго. И когда история открыла вакансию на третейского судью, в ее распоряжении не оказалось ближе подходящего человека, чем Керенский.

<...> Контрреволюционные штабы, всячески тесня армейские комитеты, широко используют их в то же время для репрессий над массами и, подрывая таким путем авторитет солдатских организаций, готовят их падение. Буржуазная контрреволюция имеет в своем распоряжении для тех же целей министров-«социалистов», а данные последние увлекают в своем головокружительном падении те самые Советы, от которых они ныне независимы, но которые по-прежнему зависимы от министров.

После отказа от власти демократическим организациям приходится ныне ликвидировать и свой авторитет. <...> Мос-

ковское совещание получает свой смысл только в связи с данным общим направлением политического развития на верхах.<...>

Ясно, как божий день, что оно целиком направлено против Советов. Эти последние не идут на совещание, их туда тащат на аркане. Совещание нужно контрреволюционным классам, как опора для окончательного низложения Советов. Но почему же ответственные органы буржуазии относятся к совещанию так сдержанно? Потому, что оно, прежде всего, нужно для упрочения «надклассовой» позиции верховного третейского судьи. Милюков боится, что Керенский выйдет с совещания слишком окрепшим, и что в результате слишком затянутся политические каникулы Милюкова. А ведь каждый патриот торопится спасти отечество на свой лад.

<...> «В случае если б я был в правительстве, – признавался на заседании Центрального Исполнительного Комитета меньшевик Богданов, – я этого совещания не созывал бы, так как правительство не достигнет на нем того, к чему стремится: укрепления и расширения своей базы». Надо признать, что данные «реальные» политики совершенно не понимают того, что происходит при их ближайшем участии. После распада коалиции 2 июля отказ Совета взять власть исключал возможность создания правительства на широкой базе. Бесконтрольное правительство Керенского есть по принципу правительство без социальной базы. Оно сознательно встало между двумя возможными базами: трудящейся массой и империалистическими классами. В этом и состоит его бонапартизм. Московское совещание имеет своей задачей, сшибив лбами ценовые и демократические партии, упрочить личную диктатуру, которая политикой безответственного авантюризма подрывает все завоевания революции.

Для этой цели оппозиция слева так же необходима, как и оппозиция справа. Нужно только, чтобы они приблизительно уравнивали друг друга и чтобы социальные условия поддерживали это равновесие. Но этого-то именно и нет.

<...> Борьба между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками, солдатами и генералитетом, угнетенными национальностями и центральной властью не оставляет для этой последней никаких элементов устойчивости, если только правительство не решится связать свою судьбу с одной из бо-

рющихся сил. До завершения аграрной революции попытки «надклассовой» диктатуры будут неизбежно оставаться эфемерными (скоропреходящими).

Милюков, Родзянко, Рябушинский хотят, чтобы власть окончательно отождествилась с ними, т.е. превратилась в контрреволюционную диктатуру эксплуататоров над революционными рабочими, крестьянами и солдатами. Керенский хочет демократию испугать контрреволюцией, а контрреволюцию – демократией и на этом утвердить диктатуру личной власти, от которой массам будет не лучше. Но все это счеты без хозяина. Революционные массы еще не сказали своего последнего слова.

ДИРЕКТОРИЯ

Кризис власти, уход кадетов из министерства, порвавших с Временным Правительством и являющихся действительными товарищами контр революционного восстания, дало в результате новую форму организации власти – т. н. директорию.

<...> Эта новая форма не вносит ничего серьезного и нового в то положение, какое было до сих пор и в результате чего был хронический кризис власти.

Она совершенно не разрешает ни одного основного вопроса нашей жизни. Больше того, трудно найти более неудачную, более плохую форму, чем эта.

Директория как форма государственной власти связана с одним из самых упадочных и мрачных состояний французской революции. Достаточно сказать, что Наполеон Бонапарт яркий ее представитель и результат, последствие этой организации государственной власти. Директория – это по существу личный режим – безразлично одного или пяти лиц. И именно после того, как история показала перед всем миром, к чему приводит «безответственность» правительства. Когда Корнилов – это детище всей деятельности и политики Временного Правительства – засвидетельствовал своей особой, своим авантюризмом, своей контр–революционностью, к чему приводит подобная безответственная политика. Когда всякого рода «личные» режимы окончательно себя дискредитировали самым очевидным образом, создание директории не имеет ни малейшего смысла и заранее обречено на неудачу.

Именно теперь, когда требуется напряжение всех сил, именно теперь нужна власть, опирающаяся на широкие народные массы: на рабочих и крестьян. Власть рабочих и беднейшего крестьянства сможет дать действительный и решительный отпор всяческим авантюрам всяких генералов. Такая власть нужна стране.

Революционная власть должна опираться, иметь своим базисом, своей основой и почвой определенный класс, и таким революционным классом может быть только рабочий класс.

Несвязанная и оторванная от революционного класса власть будет бессильна в борьбе с контр-революцией. Только боязнь разрыва с буржуазией, только соглашательской политикой, только продолжающейся лихорадкой боязни перед революционным пролетариатом объясняется такая организация государственной власти, которую создают в настоящий момент.

КАК ОБЕСПЕЧИТЬ УСПЕХ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ (О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ)

В начале апреля я писал, излагая отношение большевиков к вопросу, надо ли созывать Учредительное собрание:

«Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление силы Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов; организация и вооружение рабочих масс – единственная гарантия».

С тех пор прошло пять месяцев и правильность этих слов подтверждена рядом оттяжек и отсрочек созыва по вине кадетов, подтверждена, наконец, корниловщиной замечательно.

Теперь, в связи с созывом на 12 сентября Демократического совещания⁵⁶, я бы хотел остановиться на другой стороне дела.

И «Рабочая Газета» меньшевиков и «Дело Народа» выражали сожаление по поводу того, как мало делается для агитации среди крестьян, для просвещения этой настоящей массы русского народа, настоящего большинства его. Все сознают и признают, что от просвещения крестьян зависит успех Учредительного собрания, но делается для этого до смешного мало. Крестьян обманывает, одурачивает, запугивает насквозь лживая и контрреволюционная буржуазная и «желтая» пресса, по сравнению с которой пресса меньшевиков и эсеров (не говоря уже о большевистской) совсем, совсем слаба.

Почему это так?

Именно потому, что слабы, нерешительны, бездеятельны правящие партии эсеров и меньшевиков, что они, не соглашаясь на взятие всей власти Советами, оставляют крестьянство в темноте и заброшенности, отдают его на «съедение» капиталистам и их прессе, их агитации.

Называя нашу революцию хвастливо великою, крича направо, налево громкие, напыщенные фразы о «революционной

⁵⁶ Демократическое совещание (или Предпарламент) – это съезд представителей российских общественных и политических организаций, прошедший в сентябре 1917 г.

демократии», меньшевики и эсеры на деле оставляют Россию на положении самой дюжинной, самой мелкобуржуазной революции, которая, сбросив царя, оставляет все остальное по-старому и ничего, ровно ничего серьезного для политического просвещения крестьян, для разрушения крестьянской темноты, этого последнего (и самого сильного) оплота, оплота эксплуататоров и угнетателей народа, не делает.

Именно теперь уместно напомнить об этом. Именно теперь перед лицом Демократического совещания, за два месяца до «назначенного» (для новой отсрочки) созыва Учредительного собрания уместно показать, как легко было бы исправить дело, как много можно бы сделать для политического просвещения крестьян, если бы... если бы наша «революционная демократия» в кавычках была действительно революционной, т. е. способной действовать революционно, и действительно демократией, т. е. считающейся с волей и интересами большинства народа, не меньшинства капиталистов, которое продолжает держать власть в руках (правительство Керенского) и с которым, – не прямо, так косвенно, не в старой, так новой форме – все же хотят «соглашаться» эсеры и меньшевики.

Капиталисты (а за ними, по неразумению или по косности, многие эсеры и меньшевики) называют «свободой печати» такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты.

На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией.

В самом деле. Возьмите хоть питерские и московские газеты. Вы увидите сразу, что по числу выпускаемых экземпляров громадное преобладание имеют буржуазные газеты, «Речь», «Биржевка», «Новое Время», «Русское Слово»⁵⁷ и так далее и тому подобное (ибо таких газет очень много). На чем основано это преобладание? Совсем не на воле большинства, ибо выборы показывают, что в обеих столицах большинство (и гигантское) на стороне демократии, т. е. эсеров, меньшевиков и большевиков. Голосов у этих трех партий от трех четвертей до четырех пятых, а число экземпляров выпускаемых ими газет наверное

⁵⁷ «Русское Слово» – ежедневная общественно–политическая газета; выходила в Москве с 1895 года; издатель И. Д. Сытин. Закрыта в ноябре 1917г., несколько номеров вышло под названиями «Наше слово» и «Новое слово».

менее одной четверти или даже одной пятой по сравнению с числом экземпляров всей буржуазной прессы (которая, как мы теперь знаем и видим, прямо и косвенно защищала корниловщину).

Почему это так?

Все прекрасно знают, почему. Потому, что издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей. «Свобода печати» буржуазного общества состоит в свободе богатых систематически, неуклонно, ежедневно в миллионах экземпляров, обманывать, развращать, одурачивать эксплуатируемые и угнетенные массы народа, бедноту.

Вот та простая, общеизвестная, очевидная правда, которую все наблюдают, все сознают, но «почти все» «стыдливо» замалчивают, боязливо обходят.

Спрашивается, можно ли бороться с таким вопиющим злом и как бороться?

Прежде всего, есть одно простейшее, величайшее и законнейшее средство, которое я давно указывал в «Правде», которое особенно уместно напомнить теперь, к 12 сентября, и которое всегда надо иметь в виду рабочим, ибо они едва ли обойдутся без него, когда завоюют политическую власть.

Это средство – государственная монополия на частные объявления в газетах.

Посмотрите на «Русское Слово», «Новое Время», «Биржевку», «Речь» и т. п. – вы увидите массу частных объявлений, которые дают громадный, и даже главный, доход капиталистам, издающим эти газеты. Так хозяйничают, так обогащаются, так торгуют ядом для народа все буржуазные газеты во всем мире.

В Европе есть газеты, которые исчисляются в числе экземпляров, достигающем трети числа жителей данного города (например, 80 000 экземпляров при населении в 240 000) и которые даром разносятся в каждую квартиру, давая в то же время хороший доход их издателям. Такие газеты живут объявлениями, за которые частные лица платят, а доставка газеты бесплатно в каждую квартиру обеспечивает наилучшее распространение объявлений.

Спрашивается, почему, называющая себя революционной, демократия не могла бы осуществить такой меры, как объявление государственной монополией частных объявлений в газе-

тах? Запрещение печатать объявления где-либо кроме газет, издаваемых Советами в провинции и в городах и центральным Советом в Питере для всей России? Почему «революционная» демократия обязана терпеть такую вещь, как обогащение на частных объявлениях богачей, сторонников Корнилова, распространителей лжи и клеветы против Советов?

Такая мера была бы, безусловно, справедливой мерой. Она дала бы громадные выгоды и тем, кто частные объявления печатает, и всему народу, и особенно наиболее угнетенному и темному крестьянству, которое получило бы возможность иметь за ничтожную цену или даже даром советские газеты с приложениями для крестьян.

Почему не осуществить этого? Только потому, что священна частная собственность и наследственное право (на доходы от объявлений) у господ капиталистов. И признавать такое право «священным» можно, называя себя революционным демократом XX века, во второй русской революции?!

Скажут: но это нарушение свободы печати.

Неправда. Это было бы расширением и восстановлением свободы печати. Ибо свобода печати означает: все мнения всех граждан свободно можно оглашать.

А теперь? А теперь только богатые имеют эту монополию, да затем крупные партии. Между тем при издании больших советских газет, со всеми объявлениями вполне осуществимо было бы обеспечить выражение своих мнений гораздо более широкому числу граждан, скажем, каждой группе, собравшей определенное число подписей. Свобода печати на деле стала бы гораздо демократичнее, стала бы несравненно полнее при таком преобразовании.

Но скажут: где же взять типографии и бумагу?

Вот оно что!!! Не в «свободе печати» дело, а в священной собственности эксплуататоров на захваченные ими типографии и запасы бумаги!!!

Во имя чего мы, рабочие и крестьяне, должны признать это священное право? Чем это «право» издавать ложные сведения лучше «права» владеть крепостными крестьянами?

Почему во время войны допустимы и всюду происходят всякие реквизиции – и домов, и квартир, и экипажей, и лошадей, и хлеба, и металлов, а реквизиция типографий и бумаги недопустима?

Нет, рабочих и крестьян можно на время обмануть, представив в их глазах такие меры несправедливыми или трудноосуществимыми, но правда возьмет свое.

Государственная власть, в виде Советов, берет все типографии и всю бумагу и распределяет ее справедливо: на первом месте – государство, в интересах большинства народа, большинства бедных, особенно большинства крестьян, которых веками мучили, забивали и оупляляли помещики и капиталисты.

На втором месте – крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню или две сотни тысяч голосов.

На третьем месте – более мелкие партии и затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей.

Вот какое распределение бумаги и типографий было бы справедливо и, при власти в руках Советов, осуществимо без всякого труда.

Вот тогда, за два месяца до Учредительного собрания, мы могли бы действительно помочь крестьянам, обеспечить доставку в каждую деревню десятка брошюр (или номеров газеты, или особых приложений) в миллионах экземпляров от каждой крупной партии.

Вот это была бы «революционно-демократическая» подготовка выборов в Учредительное собрание, вот это была бы помощь деревне со стороны передовых рабочих и солдат, вот это было бы государственное содействие просвещению, а не оглуплению и не обманыванию народа, вот это была бы настоящая свобода печати для всех, а не для богачей, вот это был бы разрыв с тем проклятым, холопским прошлым, которое заставляет нас терпеть захват богачами великого дела осведомления и обучения крестьянства.

Печатается по:
Ленин В. И. Полное собрание сочинений.
5 изд.–е. Т. 34. С. 208–213.

БЕЗ РАБОЧИХ?

«Покойный»⁵⁸ Плеханов когда-то указывал на то, что либералы рассуждают по формуле «рабочие очень важны для революции», меж тем, как социалист должен рассуждать по формуле «революция очень важна для рабочих». Другими словами: либерал интересуется рабочим классом лишь постольку, поскольку видит в нем физическую силу, которую надо использовать в борьбе против царского самодержавия, а потом отпихнуть ногой; социалист видит в рабочем классе главного строителя жизни, освободителя человечества, класс, который должен завоевать лучшие условия жизни для себя и, тем самым, для всего мира.

С точки зрения русской буржуазии наш рабочий класс давно уже выполнил свое назначение. Царизм низвергнут, рабочий исполнил свое назначение. Мавр сделал свое дело. Рабочий класс перестал быть важным «для революции». Но так ли обстоит дело и с точки зрения партий мелкой буржуазии?

Русская буржуазия – даже самая либеральная – вполне могла бы примириться не только с корниловской республикой, но и с конституционной монархией. Не только примириться – ее интересы, при прочих равных условиях, были бы даже лучше обеспеченными именно при конституционной монархии. Ведь не даром Милюков в первые дни революции, будучи министром первого Временного Правительства, выступал именно за наследственную конституционную монархию.

<...> А между тем, это ясно теперь для каждого: вступая в новую «честную» коалицию с буржуазией, «революционная демократия» окончательно отрезывает себя от пролетариата, раз навсегда остается без рабочих. Это символ: как раз в тот момент, когда здесь в Питере соглашатели собрались заключать коалицию с представителями торгово-промышленных кругов, сторонниками Рябушинского, – в этот самый момент в Крыму, где преобладают меньшевики, местные Советы Рабочих Депу-

⁵⁸ Плеханов умер в июле 1918 г. Здесь имеется ввиду, что он «умер» как социалист.

татов выразили совсем другое отношение к Рябушинскому, они арестовали его.

Без рабочих! В Советской секции Демократического Сопещения большинство против всяких коалиций с буржуазией. Среди представителей профессиональных союзов громадное большинство против такой коалиции. Среди представителей рабочей кооперации – тоже. Питерские и московские рабочие единодушно в резко отрицательном отношении к коалиции. Даже рабочие–меньшевики и эсеры. Пусть же не создают себе иллюзий представители «революционной» демократии. Пусть знают: то, что делают они теперь, есть полный разрыв с рабочими, есть вызов не только по адресу той или иной части рабочих, нет, это вызов, брошенный всему рабочему классу. И пусть помнят: порвавши с рабочими, они отдаются всецело на милость господам империалистам и контр-революционерам. Пусть не забудут: главной силой революции был, остается и останется рабочий класс. Кто порвал с рабочими, тот порвал с революцией.

И господа соглашатели почувствуют это очень скоро. Когда в июле эсеры и меньшевики выдали контр-революции большевиков, мы предупреждали их: скоро придет и ваш черед! И наше предсказание оправдалось скорее, чем это можно было предположить. То же будет и теперь, когда «революционная демократия» опять сдастся на милость контр-революции в лице кадетов, орудием которых является Керенский.

<...> Кадеты и Керенский станут третировать «революционную демократию» как мертвую собаку. Опять придется меньшевикам и эсерам посылать к Керенскому с заднего крыльца, чтобы добиться тех или иных милостей. Учредительное Собрание будет сорвано. Крестьяне земли не получат. Корниловское дело так или иначе будет потушено. Ни один из пунктов программы, оглашенной в Москве Чхеидзе, не будет проведен.

Можно ручаться: завтра же кадеты положат ноги на стол, завтра же Керенский и Ко сядут на голову даже меньшевикам и эсерам.

А рабочие, узнавши о новой бесчестной коалиции меньшевиков и эсеров с буржуазией, скажут: революция все–таки победит, ибо от предателей скоро отвернутся не только рабочий

класс, не только солдаты, но и громадное большинство крестьян.

Революция очень важна «для рабочих, господа. Так легко с рабочими вам не справиться. Без борьбы рабочие не сдадутся.

Без рабочих, но зато с кадетами – утешат себя эсеры и меньшевики.

Без эсеров и меньшевиков, но зато с солдатами и крестьянами – ответят рабочие.

И мы посмотрим, кто победит...

ПРАВИТЕЛЬСТВО БУРЖУАЗНОЙ ДИКТАТУРЫ

После подлогов с совещанием и скандального развала правительства, после «собеседования» с московскими биржевиками и таинственных хождений к сэру Бьюкенену, после любовных свиданий в Зимнем дворце и ряда предательств со стороны соглашателей, – сформировалось, наконец, «новое» (совсем новое!) правительство.

Шесть министров-капиталистов, как ядро «кабинета», и десять министров-«социалистов» в услужение им, в качестве проводников их воли.

Декларация правительства еще не опубликована, но основы ее известны: «борьба с анархией» (читай: с Советами!), «борьба с разрухой» (читай: с забастовками!), «поднятие боеспособности армии» (читай: продолжение войны и «дисциплина»!).

Такова в общем «программа» правительства Керенского – Коновалова.

Это значит: крестьянам земли не видать, рабочим контроля не получить, России мира не завоевать.

Правительство Керенского – Коновалова есть правительство войны и буржуазной диктатуры.

Десять министров-«социалистов» – ширма, за которой империалистическая буржуазия будет вести работу по укреплению своего господства над рабочими, крестьянами и солдатами.

То, что хотел провести Корнилов прямо и по-генеральски просто, «новое» правительство постарается осуществить постепенно и без шума, руками самих же «социалистов».

Чем отличается диктатура буржуазии от диктатуры пролетариата и революционного крестьянства?

Тем, что диктатура буржуазии есть господство меньшинства над большинством, осуществимое лишь путем насилия над большинством, требующее гражданской войны против большинства. Между тем как диктатура пролетариата и революционного крестьянства, как господство большинства над

меньшинством, вполне может обойтись без гражданской войны. Но из этого следует, что политикой «нового» правительства станет политика спровоцирования неудачных частичных выступлений, с тем чтобы, натравив солдат на рабочих, или фронт на тыл, затопить в крови мощь революции.

Тем еще, что диктатура буржуазии есть диктатура тайная, скрытая, закулисная, нуждающаяся в том или ином благовидном прикрытии для обмана масс. Между тем как диктатура пролетариата и революционного крестьянства есть диктатура открытая, диктатура масс, не нуждающаяся в обмане во внутренних делах и в тайной дипломатии во внешних. Но из этого следует, что самые важные вопросы жизни страны, как, например, вопрос о войне и мире, постараются разрешить наши буржуазные диктаторы за спиной масс и без масс, путем заговора против масс.

Об этом ясно говорят первые же шаги правительства Керенского – Коновалова. Судите сами. Самые ответственные посты по внешней политике переданы в руки кадетско-корниловских столпов. Терещенко – министр иностранных дел, Набоков – посол в Лондоне, Маклаков – посол в Париже, Ефремов – посол в Берне, где собирается теперь международная конференция (предварительная!) мира. И эти люди, оторванные от масс, открытые враги масс, будут решать вопросы войны и мира, связанные с жизнью миллионов солдат!<...>

Сомнения невозможны. Правительство Керенского – Коновалова есть правительство диктатуры империалистической буржуазии. Провокация гражданской войны – такова его внутренняя политика. Закулисное решение вопросов войны и мира – такова его внешняя политика. Утверждение господства меньшинства над большинством российского населения – такова его цель.

Задача пролетариата, как вождя русской революции, сорвать маску с этого правительства и показать массам его настоящее контрреволюционное лицо. Задача пролетариата – сплотить вокруг себя широкие слои солдат и крестьянства и удержать их от преждевременных выступлений. Задача пролетариата – сомкнуть ряды и неустанно готовиться к грядущим битвам. Столичные рабочие и солдаты уже сделали первый шаг, выразив недоверие правительству Керенского – Коновалова и призвав массы «к сплочению своих рядов вокруг своих Советов, воздерживаясь от частичных выступлений».

НАКАНУНЕ

Итак, по–видимому, нам этого не избежать. Ни опыт прошлого, ни вполне трезвая оценка положения со стороны самых разнообразных политических групп не могут отвратить от нас этой опасности. Слепые дикие силы в каком-то загадочном для свежего человека совершенно непостижимом неистовстве, тянут все в одну сторону – к гражданской войне.

В скрытом состоянии гражданская война существует у нас уже давно, прорываясь то здесь, то там отдельными вспышками. Но не о такой войне я говорю. Я разумею события, подобные совершившимся 3-4 июля, но только в большем масштабе, вооруженную борьбу враждебных партий, стрельбу на улицах, трупы, валяющиеся на порогах домов, сумасшедшую панику толпы, мечущейся куда ни попало.

Все это мы уже видели, и опять увидим. И последствия второго большевистского бунта окажутся, надо полагать, те же, что в июле: восстановление порядка вооруженной рукой, потрясение всего народного организма, замешательство на фронте, быть может, новые успехи германцев.

Этого ужаса и позора нельзя избежать. Отчего? Ответ прост и ясен: оттого, что у нас нет воли к внутреннему миру, нет твердой решимости создать такие условия, при которых бессмысленный и преступный мятеж оказался бы невозможен. Особенно ярко это безволие сказывается в правительственной среде. Но и общество тоже не без греха. Впрочем, как могло быть иначе? Ведь нынешнее Правительство не есть чуждая, посторонняя сила, но естественное порождение того же общества, точный миниатюрный снимок его, отражающий в концентрированном виде все наши национальные недостатки и пороки, весь глубокий нравственный маразм, одолевающий нас.<...>

Возьмем данный случай: большевики, не таясь и не скрываясь, угрожают восстанием, убийствами, разгромами, угрожают Правительству, угрожают всем культурным слоям народа, угрожают внешней безопасности и независимости русского государства. В их среде есть люди, заподозренные в сношениях с

немцами, есть уголовные преступники, есть бывшие охранники и провокаторы. Во главе их стоят слепые фанатики, столь же мало вменяемые, как любой из обитателей желтого дома.

Вступать с ними в переговоры бесполезно. Тысячью примеров они доказали, что неспособны исполнять никакого обещания. Заслужить их снисхождение различными второстепенными уступками тоже нельзя. С таким же успехом можно было бы склонить к «уступкам» пожар, подбрасывая в него от времени до времени связки поленьев.

Остается одно – открытая борьба. Это понимают все. Но ни у кого не хватает духа претворить понимание в действие.

Большевики готовятся к кровавому бенефису лихорадочно, упорно, настойчиво. Добывают оружие, разрабатывают план действий, занимают опорные пункты. Что противопоставило до сих пор Правительство всем этим приготовлениям: несколько воззваний, несколько приказов, несколько ночных заседаний в Зимнем дворце. Об обществе же и говорить не приходится. Оно показало себя совершенно неспособным к самозащите; оно ждет решения судьбы с тупою покорностью, как животное, которое ведут на бойню.

Ждет и дождется.

Когда большевики выступят, когда воры и погромщики присоединятся к ним, когда первая кровь обагрит уличные камни, тогда, наконец, проснется чувство самосохранения. Аппараты организованного принуждения, находящиеся во власти Правительства, придут в движение, и, конечно, бунт будет подавлен. Но какую цену. И неужели нельзя достигнуть того же результата без уличной войны, без убийства невинных и беззащитных?

По-видимому, нельзя. «Пусть большевики начинают» – таков лозунг, данный сверху. А что касается неизбежных жертв этого неизбежного «начала», то тем хуже для них.

ХРЕСТОМАТИЯ

к курсу

«История российской журналистики (1917–2000-е гг.)» Тема I

ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ
1917 г.: СТАТЬИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТ.

Корректор – Л.Н Крысенко

Компьютерная верстка – А.В. Фомичёва

Объем 4,5 усл.печ.л.